

ИЗ НАСЛЕДИЯ МИРОВОЙ СОЦИОЛОГИИ

Г. Тард

СОЦИАЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ

Gabriel Tarde
LES LOIS SOCIALES

Г. Тард

**СОЦИАЛЬНЫЕ
ЗАКОНЫ**

Перевод с французского
Ф. Шипулинского

Издание второе

URSS
МОСКВА

Тард Габриэль

Социальные законы: Пер. с фр. Изд. 2-е. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 64 с. (Из наследия мировой социологии.)

В предлагаемой читателю книге ее автор, известный французский социолог Г. Тард (1843–1904), делает попытку кратко изложить суть своих основных трудов по социологии и указать на внутреннюю связь между ними. Автор считает, что все явления, в том числе общественные, можно рассмотреть с трех точек зрения — так называемых законов повторения, противопоставления и приспособления. Г. Тард показывает, что с помощью этих законов можно определить пути, по которым должна идти социология, чтобы занять надлежащее место среди других наук.

Книга адресована социологам, философам, историкам и методологам науки, а также всем заинтересованным читателям.

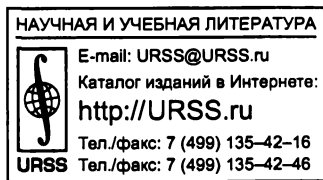
Издательство «Книжный дом «ЛИБРОКОМ»».
117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 9.
Формат 60×90/16. Печ. л. 4. Зак. № 2551.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».
117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978–5–397–00856–3

© Ф. Шипулинский, перевод
на русский язык, 1901, 2009

© Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009

5452 ID 63856

Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, а также размещение в Интернете, если на то нет письменного разрешения владельцев.

Отъ автора.

Въ этой книжкѣ, заключающей въ себѣ содержаніе моихъ лекцій, прочитанныхъ въ 1887 году въ «Collège libre des Sciences Sociales», я попытался не только дать краткое изложеніе сущности моихъ трехъ важнѣйшихъ трудовъ по общей социологіи: «Законовъ Подражанія», «Всемирнаго Противопоставленія» и «Соціальной Логики», но, главнымъ образомъ, указать еще и на ихъ внутреннюю связь. Эта связь, которая легко могла ускользнуть отъ вниманія читателя, освѣщена здѣсь разсужденіями болѣе общаго порядка, позволяющими, какъ мнѣ кажется, обнять однимъ взглядомъ эти три развѣтвленія одной и той-же мысли, эти *seibsta disjecta* одного и того-же тѣла. Быть можетъ, мнѣ замѣтятъ, что я сдѣлалъ-бы гораздо лучше, изложивъ прежде всего въ одномъ систематическомъ цѣломъ все то, что я намѣтилъ въ этихъ трехъ книгахъ. Но, не говоря уже о томъ, что многотомныя сочиненія пугаютъ, и не безъ основанія, современнаго читателя, зачѣмъ намъ утомлять себя этими огромными, объединяющими и полными сооруженіями и постройками? Не лучше-ли, въ виду того, что тѣ, которые слѣдуютъ за нами, спѣшатъ прежде всего развалить эти зданія, чтобы воспользоваться ихъ матеріаломъ или приобрѣсть для себя какой-нибудь отдѣльный павильонъ,—не лучше-ли, спрашиваю я, облегчить ихъ трудъ и доставлять имъ свою мысль только въ видѣ отдѣльныхъ обломковъ. Во всякомъ случаѣ, для тѣхъ исключительныхъ умовъ, которымъ нравится воссоздавать то, что имъ дано въ разнообразномъ видѣ, какъ другимъ нравится разламывать то, что имъ представляется законченнымъ, быть можетъ, не бесполезно будетъ присоединить къ разбросаннымъ частямъ своего труда общій очеркъ и планъ цѣлаго, который они могли-бы привести въ исполненіе, если найдутъ въ себѣ для этого достаточно силы и смѣлости. Въ этомъ все значеніе и весь смыслъ этой маленькой книжки.

Г. Тардъ.

Посѣтивъ историческій музей съ его рядомъ пестрыхъ и странныхъ картинъ, или совершивъ путешествіе среди столь непохожихъ другъ на друга и постоянно измѣняющихся народовъ, поверхностный наблюдатель выноситъ впечатлѣніе, что явленія общественной жизни не могутъ быть подведены ни подъ какую общую формулу, ни подъ какой научный законъ, и что попытка основать социологію неосуществима. Но на первыхъ пастуховъ, наблюдавшихъ звѣздное небо, и первыхъ земледѣльцевъ, старавшихся проникнуть въ тайны жизни растений, такое-же впечатлѣніе должны были произвести сверкающій безпорядокъ небеснаго свода, разнообразіе созвѣздій и особенно чрезвычайное изобиліе различныхъ животныхъ и растительныхъ формъ, и если-бы мысль объяснить небо и лѣсъ посредствомъ небольшого числа положеній, логически связанныхъ подъ именемъ астрономіи и биологіи могла прийти имъ въ голову, она показала-бы имъ чѣмъ то въ высшей степени страннымъ и нелѣпымъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ мірѣ небесныхъ свѣтилъ и въ чащѣ дѣвственнаго лѣса не меньше дѣйствительно-существующихъ неправильностей и кажущагося произвола, чѣмъ въ извилинахъ исторіи человѣчества.

Какимъ-же образомъ, несмотря на все непостоянство и разнообразіе въ состояніяхъ неба и лѣса, достигли возможности зародить и мало-помалу развить зародышъ механики и биологіи? Для этого необходимо было выполнить три условія, которыя надо ясно и точно различать, чтобы составить себѣ ясное и полное понятіе о томъ, что слѣдуетъ понимать подъ словами *наука* и *научный*:

1) Прежде всего стали подмѣчать нѣкоторыя сходства среди разнообразія и *повторенія* среди измѣненій: періодическое возвращеніе одного и того-же расположенія звѣздъ на небѣ, однихъ и тѣхъ-же, правильно чередующихся, временъ года, послѣдовательность возрастовъ: молодости, зрѣлости и старости живыхъ существъ, и свойства, общія индивидуумамъ одного и того же рода. Нѣтъ науки индивидуальнаго, какъ такового, а есть только наука общаго, иначе говоря, индивидуума, разсматриваемаго, какъ нѣчто повторяющееся или способное повторяться неопредѣленное число разъ.

Наука есть рядъ явленій, разсматриваемыхъ съ точки зрѣнія ихъ повторяемости. Этимъ я, конечно, не думаю отрицать, что нахожденіе различій составляетъ одинъ изъ существенныхъ процессовъ научнаго мышленія. Наука должна находить какъ сходства, такъ и различія, но только съ условіемъ, чтобы они встрѣчались во многихъ экземплярахъ

и неопредѣленное число разъ. Какое-нибудь особенное и характерное свойство, составляющее привилегію одного отдѣльнаго индивидуума и не могущее передаваться потомству, можетъ остановить на себѣ вниманіе художника, но нисколько не интересно для ученаго.

2) Повтореніе есть однообразное воспроизведеніе, простое и элементарное вытеканіе одного изъ другого при полномъ отсутствіи творчества, когда слѣдствіе тождественнымъ образомъ воспроизводитъ причину, подобно тому, какъ движеніе одного тѣла передается другому и жизнь живого существа передается его потомству. Но для науки важно не только воспроизведеніе явленій, но и уничтоженіе ихъ явленіями противоположнаго характера, такъ что наука, какою-бы областью дѣйствительности она ни занималась, должна въ ней вслѣдъ за повтореніями отыскивать *противопоставленія*, которыя свойственны ей, такъ что она должна будетъ разсматривать какъ равновѣсіе силъ и симметрію формъ, такъ и враждебное столкновеніе всего существующаго и борьбу живыхъ организмовъ.

3) Но это еще не все и даже не самое важное. Главнымъ образомъ она должна будетъ обратить вниманіе на *приспособленія* явленій другъ къ другу, на ихъ взаимное отношеніе въ дѣлѣ истинно-творческаго совмѣстнаго производства. Главнѣйшая задача ученаго состоитъ въ томъ, чтобы уловить, подмѣтить и объяснить эту гармонію. Только открывъ ее, онъ получаетъ возможность установить другую высшую гармонію: гармонію своей системы положеній и формулъ съ внутреннимъ соответствіемъ дѣйствительности.

Такимъ образомъ, вся наука состоитъ въ томъ, чтобы разсматривать существующее съ трехъ точекъ зрѣнія: повторенія, противопоставленія и приспособленія, которыя находятся въ немъ, но которыхъ трудно замѣтить сразу, благодаря слишкомъ большому числу измѣненій, диссиметрій и дисгармоній.

Не одно только взаимное отношеніе причины и слѣдствія составляетъ элементъ, свойственный научному познанію, такъ какъ въ такомъ случаѣ наиболѣе совершеннымъ образцомъ науки была-бы прагматическая исторія, представляющая всегда почти непрерывную цѣпь причинъ и слѣдствій и сообщающая намъ, что такая-то битва или такое-то возстаніе имѣли такія-то и такія-то послѣдствія. Но мы знаемъ, что исторія становится наукой только по мѣрѣ того, что, какъ ей удастся свести причинную связь отдѣльныхъ событій къ отношенію между общей причиной и общимъ слѣдствіемъ, способными повторяться и повторяющимися на самомъ дѣлѣ. Съ другой стороны, математика никогда не указываетъ намъ на фактически существующую причинную связь и, когда даетъ ее въ видѣ постулата или функции, то скрываетъ ее въ общемъ уравненіи; и тѣмъ не менѣе, она прототипъ и идеаль всякой науки, потому что только она совершенно сглаживаетъ отличительную и индивидуальную сторону вещей и указываетъ въ нихъ на самыя опредѣленные и точныя повторенія и самыя симметричныя противопоставленія. Большой пробѣлъ въ математикѣ образуется отъ того, что она или не разсматриваетъ вовсе, или, если разсматриваетъ, то слишкомъ мало, взаимныя приспособленія явленій. Въ этомъ ея крупный недостатокъ, такъ сильно дающій себя

чувствовать философамъ, особенно тѣмъ, которые въ то-же время изучали и геометрію, какъ Декартъ, Контъ и Кюрно.

Повтореніе, противопоставленіе и приспособленіе,—это три ключа, которые употребляетъ наука, чтобы раскрыть тайники вселенной. Она ищетъ прежде всего не причины явленій, а законы ихъ повторенія, противопоставленія и приспособленія.

Необходимо не смѣшивать этихъ трехъ родовъ законовъ, хотя они тѣсно связаны другъ съ другомъ. Такъ, напримѣръ, въ биології стремленіе видовъ умножаться въ геометрической прогрессіи (законъ повторенія) служитъ основаніемъ борьбы за существованіе (законъ противопоставленія); для которой необходимо извѣстное соотношеніе въ ростѣ отдѣльныхъ видовъ (законъ приспособленія). Изъ этихъ трехъ ключей первый и третій несравненно важнѣе второго: первый—большая отмычка отъ всѣхъ дверей; третій, болѣе тонкой работы, даетъ доступъ къ наиболѣе скрытымъ и драгоцѣннымъ сокровищамъ; второй-же, находящійся въ зависимости отъ двухъ другихъ и служащій какъ бы посредникомъ между ними, раскрываетъ предъ нами только временно полезныя столкновенія и борьбу, представляющія собой нѣчто въ родѣ переходнаго состоянія, которому суждено мало-по-малу исчезнуть, но не всецѣло, а по частямъ, и только послѣ многочисленныхъ преобразованій и измѣненій.

Эти замѣчанія необходимо было сдѣлать для того, чтобы показать, чѣмъ должна стать социологія, и по какому пути социологи должны направить ее, чтобы она могла занять надлежащее мѣсто среди другихъ наукъ. Она достигнетъ этого, только завладѣвъ сознательно особою областью повтореній, противопоставленій и приспособленій, всецѣло принадлежащихъ ей. Она, какъ и всякая другая наука, будетъ развиваться и прогрессировать только по мѣрѣ того, какъ будетъ находить дѣйствительно существующія повторенія, противопоставленія и приспособленія, подставляя ихъ на мѣсто кажущихся, и выясняя тѣ изъ нихъ, которыя не были раньше подмѣнены точно и опредѣленно.

Теперь будемъ становиться послѣдовательно на каждую изъ этихъ трехъ точекъ зрѣнія, во-первыхъ для того, чтобы убѣдиться, что развитіе наукъ совершалось и совершается дѣйствительно въ томъ самомъ направленіи, которое я только что намѣтилъ, и которое впослѣдствіи постараюсь охарактеризовать точнѣе, а затѣмъ, чтобы найти законы социальной эволюціи, съ каждой изъ этихъ точекъ зрѣнія.

Повтореніе.

Видъ чего-нибудь обширнаго и разнообразнаго: звѣзднаго неба, моря, лѣса, толпы или города, производитъ почти такое-же впечатлѣніе на чувства дикаря, какъ и на чувства ученаго; но въ послѣднемъ эти многочисленныя и беспорядочныя ощущенія переходятъ, въ концѣ концовъ, въ рядъ логически связанныхъ положеній и объясняющихъ формулъ. Какимъ-же образомъ совершился этотъ переходъ отъ ощущеній къ опредѣленіямъ и законамъ? Какимъ образомъ познаніе этихъ вещей дѣлалось все болѣе и болѣе научнымъ?

Несомнѣнно, что все это произошло по мѣрѣ того, какъ, убѣдив-

шись, что раньше подмѣченные сходства были поверхностны, неточны и невѣрны, стали находить новыя сходства, болѣе глубокиа и болѣе соответствующія дѣйствительности, т. е. отъ сходствъ между сложными и смѣшанными массами и отъ ихъ повтореній стали переходить къ сходствамъ и повтореніямъ ихъ частей, менѣ замѣтнымъ, но болѣе точнымъ и элементарнымъ. И только послѣ того, какъ подмѣтили эти элементарныя сходства, стало возможнымъ объяснить и опѣнить надлежащимъ образомъ незамѣченныя раньше болѣе обширныя и сложныя сходства высшаго порядка. Прогрессъ этотъ совершался по мѣрѣ того, какъ находили возможнымъ то, что прежде казалось оригинальнымъ и *sui generis*, привести къ комбинаціи сходныхъ и извѣстныхъ элементовъ. Этимъ я не хочу сказать, что наука, прогрессируя, разсѣиваетъ и уменьшаетъ число оригинальныхъ явленій и неповторяющихся формъ дѣйствительности, такъ какъ, если проницательный взглядъ наблюдателя и замѣчаетъ прозрачность грубыхъ и бросающихся въ глаза оригинальностей массы, то только для того, чтобы придти къ болѣе глубокимъ и болѣе скрытымъ безчисленнымъ оригинальностямъ ея элементовъ.

Посмотримъ, насколько это вѣрно въ приложеніи къ астрономіи. Она зародилась впервые въ тотъ моментъ, какъ праздные и любознательные пастухи подмѣтили періодичность кажущихся небесныхъ вращеній, восходъ и заходъ солнца и звѣздъ, круговое движеніе солнца и луны и послѣдовательность въ ихъ появленіи на небѣ. Затѣмъ оказалось, что изъ этого одного общаго и грандіознаго круговаго движенія нѣкоторыя свѣтила представляютъ исключеніе, какъ, напримѣръ, *блуждающія* звѣзды или планеты, которымъ приписывали прежде совершенно неправильное движеніе, каждую минуту новое и непохожее на свое прежнее движеніе и на движеніе другихъ свѣтилъ, пока не замѣтили, что даже въ этихъ аномаліяхъ есть нѣкоторая правильность. Кромѣ того, прежде считали совершенно одинаковыми всѣ неподвижныя и блуждающія звѣзды, солнца и планеты, и даже падающія звѣзды, выдѣляя только наше солнце и луну, на которыя смотрѣли, какъ на единственно оригинальныя свѣтила небосклона.

Но астрономія сдѣлала крупный шагъ впередъ, когда, во-первыхъ, вмѣсто этого кажущагося волоссальнаго вращенія всего неба было открыто безчисленное множество дѣйствительно происходящихъ маленькихъ обращеній, весьма различныхъ и не совпадающихъ во времени, но повторяющихся безпрестанно, и затѣмъ, когда перестали видѣть въ нашемъ солнцѣ нѣчто совершенно особенное и открыли менѣ замѣтныя особенности каждой отдѣльной звѣзды, солнца невидимой системы и центра планетнаго міра, подобнаго рою планетъ, окружающихъ насъ.

Еще болѣе астрономія подвинулась впередъ, когда это разнообразіе въ движеніяхъ небесныхъ свѣтилъ, не равныхъ ни по скорости, ни по длинѣ и эллиптичности орбиты, разсѣялось, благодаря закону Ньютона, приведенному всѣ эти разнообразныя движенія къ одному и тому-же безпрестанно повторяющемуся притяженію, прямо-пропорціональному массамъ и обратно-пропорціональному квадратамъ разстояній. Но наиболѣе блестящіе результаты получились-бы тогда, если бы можно было допустить ту смѣлую гипотезу, что само это притяженіе есть слѣдствіе столкновенія

эфирныхъ атомовъ, происходящаго отъ безчисленныхъ и безконечно-быстрыхъ атомныхъ вибрацій.

Отсюда видно, что астрономія, дѣйствительно, занималась главнымъ образомъ сходствами и повтореніями, и весь прогрессъ ея состоялъ въ томъ, чтобы отъ небольшого числа кажущихся огромныхъ сходствъ и повтореній перейти къ безчисленнымъ и безконечно-малымъ дѣйствительно существующимъ, элементарнымъ сходствамъ и посредствомъ ихъ объяснить первыя.

И даже съ эстетической точки зрѣнія небо ничего не потеряло отъ этого. Напротивъ того, усовершенствованіе инструментовъ и способовъ наблюденія дало возможность среди этихъ повторяющихся движеній свѣтилъ открыть незамѣченное прежде разнообразіе, послужившее источникомъ новыхъ открытій, какъ напримѣръ, открытіе Леверье, а въ безпрестанно возрастающей массѣ небесныхъ свѣтилъ, доступныхъ нашему глазу, нашли новыя различія въ объемахъ отдѣльныхъ звѣздъ и созвѣздіи; изобрѣтеніе спектроскопа (одно изъ самыхъ чудесныхъ изобрѣтеній) дало возможность превосходно анализировать составъ небесныхъ тѣлъ и найти между ними различія, позволяющія думать объ еще большихъ между населяющими ихъ существами; наконецъ удалось разсмотрѣть географическія очертанія ближайшихъ планетъ, судя по которымъ, напримѣръ по Марсу, можно предположить, что каждая проходящая надъ нашей головой планета имѣетъ свои характерныя особенности, свой особый мірокъ и различныя мѣстности, характеръ которыхъ тамъ, какъ и здѣсь у насъ, придаетъ каждому уголку свою особенную прелесть и запечатлѣваютъ въ сердца ея обитателей, каковы бы они ни были, любовь къ ихъ родинѣ.

Не желая уклоняться въ метафизическія разсужденія, я всетаки думаю, что разнообразіе это нельзя вывести изъ неравенства въ мѣстоположеніи и въ количественномъ распредѣленіи совершенно одинаковыхъ атомныхъ элементовъ, какъ это дѣлаетъ гипотеза, столь излюбленная химиками, которые въ этомъ случаѣ, сами того не замѣчая, впадаютъ въ метафизику. Я полагаю также, что пресловутый законъ Спенсера относительно непостоянства и неустойчивости однороднаго ничего не объясняетъ, и, слѣдовательно, объяснить все это пестрое и обильное разнообразіе явленій можно только, предположивъ въ основаніи вещей подвижную массу индивидуально-охарактеризованныхъ элементовъ. Итакъ, подобно тому, какъ массовыя сходства были объяснены частичными сходствами, грубыя и рѣзкія массовыя различія надо привести къ болѣе тонкимъ различіямъ частей, такъ какъ только частичныя различія и тѣ невидимыя элементарныя особенности, существованіе которыхъ я подозреваю, дадутъ возможность объяснить видимыя и рѣзкія различія, дѣлающія такимъ живописнымъ нашъ міръ.

Все, что было сказано о мірѣ физическомъ, можно повторить относительно животнаго и растительнаго царства. Мы, входя теперь въ тотъ самый лѣсъ, въ который входилъ первобытный человѣкъ, и видя здѣсь всю флору и фауну страны, знаемъ уже, что все это разнообразіе въ явленіяхъ жизни животныхъ и растений сводится въ сущности къ огромному множеству мелкихъ фактовъ, формулированныхъ законами біологіи; но прежде люди разнo различали то, что мы отождествляемъ теперь, и въ то же время отождествляли многое изъ того, что мы различаемъ теперь. Перво-

начально зарождающаяся наука объ организмахъ подмѣчала и усваивала сходства и повторенія, которыхъ на самомъ дѣлѣ не было, и которыя ничего не объясняли,—соединялись, напримѣръ, въ одну группу разнородныя растенія, листья и стволы которыхъ имѣли отдаленное сходство, а растенія одной и той же семьи, но неодинаковыя по величинѣ и формѣ, считались совершенно различными. Ботаника значительно подвинулась впередъ, выяснивъ взаимную связь нѣкоторыхъ свойствъ, изъ которыхъ наиболѣе важныя, т. е. чаще всего повторяющіяся и оказывающія наибольшее вліяніе на характеръ растенія, были почти незамѣтны и скрыты въ самыхъ мелкихъ частяхъ, какъ напримѣръ, тѣ, которыя находятся въ связи съ органами оплодотворенія.

Біологія, какъ синтезъ зоологіи и ботаники, родилась тогда, когда открытіе клѣточки показало, что какъ въ животныхъ, такъ и въ растенія, повторяется безконечное число разъ одинъ и тотъ же элементъ—яйцевая или яная, происходящая отъ нея, клѣточка, и что явленіе жизни состоитъ въ повтореніи каждою клѣточкой послѣдовательныхъ степеней питанія, роста и развитія, традиціонную способность къ которымъ она получила по наслѣдству и неизмѣнно передаетъ потомству.

Это сходство съ предками, такъ называемая привычка или наслѣдственность ¹⁾, есть собственно жизненная форма повторенія, подобно тому, какъ волнообразное и всякое другое періодическое движеніе есть его физическая форма, или какъ подражаніе, что мы увидимъ дальше, есть его социальная форма.

Такимъ образомъ, прогрессъ біологіи состоялъ въ уничтоженіи одного за другимъ всѣхъ прежнихъ разграниченій съ точки зрѣнія сходства и повторенія органическихъ существъ и въ замѣнѣ немногихъ крупныхъ и не дѣйствительныхъ повтореній безчисленными и безконечно-малыми повтореніями, единственными объясняющими всѣ остальные. Но въ то же время найдено было и не мало различій, такъ что еще рѣзче обрисовывалась индивидуальная особенность каждого организма, и даже пришлось предположить несходство между собой отдѣльныхъ клѣточекъ, особенно, яйцевыхъ, что и оправдалось впоследствии, такъ какъ нѣтъ ничего, повидимому, болѣе похожаго, чѣмъ два яичка, и въ дѣйствительности нѣтъ ничего болѣе различнаго, чѣмъ ихъ содержимое. Убѣдившись на дѣлѣ въ недостаточности попытокъ Дарвина и Ламарка объяснить происхожденіе видовъ, самопроизвольное развитіе которыхъ внѣ всякаго сомнѣнія, остается признать, что истинная причина происхожденія новаго вида кроется въ клѣточкахъ и состоитъ въ появленіи новаго, совершенно оригинальнаго и чрезвычайно плодовитаго яичка.

Теперь мы можемъ смѣло утверждать, что, если вмѣсто лѣса или неба взять городъ, толпу или армію, сдѣланныя выше замѣчанія найдутъ себѣ въ социальной наукѣ такое же приложеніе, какое они нашли въ астрономіи и біологіи. Здѣсь такъ же, какъ тамъ, были сдѣланы сперва слишкомъ послѣшныя обобщенія, основанныя на крупныхъ, но невѣрныхъ и поверх-

¹⁾ Впредь мы будемъ употреблять только слово наслѣдственность, такъ какъ привычка есть ничто иное, какъ внутренняя наслѣдственность, и наслѣдственность ничто иное, какъ привычка рода или вида.

ностныхъ аналогіяхъ, отъ которыхъ затѣмъ былъ совершенъ переходъ къ обобщеніямъ, опирающимся на массу мелкихъ фактовъ, сходство между которыми по возможности точно и опредѣленно установлено.

Уже много времени социологія работаетъ надъ тѣмъ, чтобы окончательно завоевать себѣ право на существованіе. Первый лепетъ ея начался къ тотъ моментъ, какъ только въ смѣшанномъ хаосѣ социальныхъ фактовъ подмѣтили — или думали, что подмѣтили, — нѣчто правильное и періодическое. Первымъ намекомъ на социологію было предположеніе древнихъ о такъ называемомъ, большомъ круговомъ годѣ, по истеченіи котораго все въ природѣ и въ общественной жизни снова воспроизводится въ прежнемъ порядкѣ. Взамѣнъ этого всеобщаго повторенія, придуманнаго гениальной фантазіей Платона, Аристотель выставляетъ отдѣленные повторенія, иногда дѣйствительно имѣющія мѣсто, но все еще неясныя и едва уловимыя, которыя онъ формулируетъ въ своей Политикѣ, основываясь на послѣдовательности формъ правленія, т. е. наиболѣе искусственнымъ и безосновательномъ явленіи социальной жизни. Прекратившееся тогда развитіе социологіи въ послѣднее время возобновилось *ab ovo*. *Ricorsi*, придуманное экономистомъ Вико, это не болѣе, какъ неполное и болѣе научное возвращеніе къ древнимъ цикламъ. Эта гипотеза, какъ и пресловутая гипотеза Монтескье относительно сходства цивилизацій въ одномъ и томъ же климатѣ, представляетъ собой хорошій примѣръ тѣхъ поверхностныхъ и только кажущихся сходствъ и повтореній, на которыя припущена была опираться социологія, прежде чѣмъ нашла для себя болѣе прочное основаніе. Шатобрианъ въ своемъ «*Essai sur les revolutions*» провелъ длинную параллель между революціей англійской и французской, дѣлая, какъ будто ради забавы, самыя искусственныя и неожиданныя сближенія и сопоставленія. Другіе пытались основать свои теоріи на несуществующей аналогіи между гениемъ караегенянъ и гениемъ англичанъ, или на сходствѣ между Римской Имперіей и Англійей. Попытки эти подвести факты социальной жизни подъ формулы массового и неизмѣннаго повторенія служили тормазомъ для социологіи, даже тогда, когда Гегель далъ ей уже болѣе дѣйствительную форму своею триадою, и когда современные эволюціонисты придали ей еще болѣе научный и точный характеръ. Эти послѣдніе уже нашли возможнымъ установить для измѣненія правовыхъ учреждений, особенно семьи и собственности, и для развитія языка, религіи, промышленности и искусствъ болѣе или менѣе точныя общія законы, опредѣляющіе прохожденіе общественнаго развитія черезъ однѣ и тѣ же заранѣе намѣченныя послѣдовательныя фазы. Надо замѣтить, однако, что правила эти допускаютъ массу исключеній, такъ какъ лингвистическая, эстетическая и моральная эволюція идутъ не одною общею дорогою, а сѣтью пересѣкающихся отдѣльныхъ тропинокъ.

Къ счастью, подъ кровомъ этихъ прихотливыхъ обобщеній болѣе скромные труженики съ успѣхомъ прилагали свои силы къ тому, чтобы установить болѣе солидныя частныя законы. Это были лингвисты, миѳологи и, особенно, экономисты, Они, избравъ себѣ какую нибудь специальную область социологіи, подмѣтили въ ней много интересныхъ взаимоотношеній между послѣдовательными и одновременными фактами, ежеминутно повторяющимися въ изучаемой ими области. Въ «Исслѣдованіи

о происхожденіи народнаго богатства» Адама Смита, въ «Сравнительной грамматикѣ индо-европейскихъ языковъ», Боппа, въ сочиненіяхъ Діаца, какъ и во многихъ другихъ, можно найти много подобныхъ указаній, выясняющихъ сходство безчисленныхъ мелкихъ актовъ, совершаемыхъ людьми при произношеніи нѣкоторыхъ гласныхъ и согласныхъ, въ дѣлѣ купли и продажи, производствѣ и потребленіи нѣкоторыхъ вещей и т. п. Сходства эти, правда, удалось подвести только подъ очень несовершенные законы, формулирующіе только то, что *plerumque fit*, но это произошло только оттого, что слишкомъ поспѣшили установить ихъ, не выяснивъ предварительно, исходя изъ этихъ частныхъ истинъ, дѣйствительно общую истину, служащую для нихъ основаніемъ, т. е. тотъ элементарный социальный фактъ, который необходимъ для существованія социологіи, и котораго она не могла еще открыть вполне.

Давно уже предвидѣли, что это общее объясненіе экономическихъ, лингвистическихъ и тому подобныхъ законовъ придется искать въ психологіи, но никто такъ ясно не сознавалъ этого, какъ Стюартъ Милль. Въ концѣ своей «Системы Логикѣ» онъ разсматриваетъ социологію, какъ прикладную психологію, но, къ сожалѣнію, онъ недостаточно уяснилъ свою мысль и искалъ ключъ къ социальнымъ явленіямъ въ индивидуальной психологіи, изучающей внутреннюю связь между раздраженіями и представленіями одного и того же мозга и пытающейся объяснить всѣ явленія въ этой области посредствомъ *законовъ ассоціаціи* ихъ основныхъ элементовъ. Разсматриваемая такимъ образомъ социологія становится своего рода распространеніемъ ассоціационизма и теряетъ свой самостоятельный характеръ. Элементарные социальные факты, безчисленныя соединенія и комбинаціи которыхъ составляютъ простыя явленія, изучаемыя отдѣльными социальными науками, надо искать не только въ внутри-мозговой, но главнымъ образомъ въ между-мозговой психологіи, изучающей сознательное отношеніе другъ къ другу двухъ или больше индивидуумовъ. Въ дѣйствительности, общеніе одного ума съ другимъ составляетъ въ жизни каждаго изъ нихъ совершенно особенное явленіе, рѣзко отличающееся отъ совокупности ихъ общеній съ остальнымъ міромъ и служащее причиной душевныхъ состояній, совершенно непредвидѣнныхъ и необъяснимыхъ физиологической психологіей. Это отношеніе субъекта къ объекту, который въ свою очередь есть тоже субъектъ, представляетъ собой не воспріятіе, не имѣющее ни капли сходства съ воспринимаемой вещью и позволяющее скептику и идеалисту даже сомнѣваться въ самомъ существованіи послѣдней, но ощущеніе и сознаніе чего то такого, что само ощущаетъ и сознаетъ, т. е. такой же воспринимающей личности, отрицать которую нельзя, не отрицая самого себя. Это сознаніе другого сознанія и есть то неизвѣстное, которое искалъ Декартъ и не могъ найти въ индивидуальномъ я. Кроме того, это особенное взаимодействіе представляетъ собой не обмѣнъ физическихъ импульсовъ или передачу движущей силы, но обмѣнъ чего то внутренняго и умственнаго, что переходитъ отъ одного къ другому, какъ это ни странно, безъ всякой потери или измѣненія по отношенію къ первому. Что-же это такое, что одна душа можетъ передать другой душѣ, съ которой она вступила въ психологическую связь? Это, очевидно, не можетъ быть ни ихъ чувствами, ни ихъ настроеніями, ко-

торыя по существу своему неспособны ни къ какой передачѣ, а, слѣдовательно, два субъекта могутъ сознательно сообщить другъ другу, чувствуя при этомъ себя болѣе близкими и болѣе похожими, только свои понятія, желанія, сужденія и намѣренія, т. е. формы, которыя могутъ оставаться однѣми и тѣми же, независимо отъ ихъ содержанія, являющагося продуктомъ умственной работы, произведенной надъ какими нибудь данными чувствъ. Формы эти не измѣняются замѣтнымъ образомъ даже при переходѣ отъ одного психологическаго типа къ другому, такъ что геометрическія понятія слѣпорожденнаго точно такія же, какъ и зрячаго, и планъ военныхъ дѣйствій, сообщенный какимъ нибудь генераломъ, раздражительнымъ или меланхоликомъ, — другимъ генераламъ, дѣятельнымъ сангвиникамъ или спокойнымъ флегматикамъ, остается тѣмъ же самымъ, если онъ относится къ той-же самой серіи дѣйствій, и если онъ принять и съ одинаковой охотой, какъ бы различны ни были руководившія ими личныя побужденія. Энергія психическаго влеченія, называемаго желаніемъ, подобно энергіи влеченія умственного, называемаго вѣрой, представляетъ собой однородный и непрерывный потокъ, который течетъ безъ измѣненія отъ одного представленія къ другому и отъ одного лица къ другому, принимая только различную окраску въ зависимости отъ душевныхъ свойствъ каждаго.

Говоря, что всякая истинная наука имѣетъ свою собственную область безчисленныхъ элементарныхъ и безконечно-малыхъ повтореній, мы тѣмъ самымъ говоримъ уже, что всякая истинная наука оперируетъ въ своей специальной области величинъ, дающихъ возможность образоваться безконечному ряду тождествъ или безконечно-малыхъ повтореній.

Вотъ, почему я позволилъ себѣ настаивать на количественномъ постоянствѣ двухъ вышеупомянутыхъ психическихъ теченій, прорѣзывающихъ подобно двумъ сливающимся рѣкамъ двѣ области одного и того-же я: его умственную и волевую дѣятельность. Этотъ количественный характеръ, отсутствіе котораго сдѣлало-бы невозможнымъ существованіе социологии, нельзя отвергать, благодаря его непосредственной очевидности и то обстоятельству, что количественная природа этихъ величинъ становится тѣмъ болѣе очевидной и несомнѣнной, чѣмъ въ большихъ массахъ мы наблюдаемъ ихъ въ формѣ релігіозныхъ теченій, народныхъ страстей, традиціонныхъ взглядовъ или ходячихъ мнѣній, доказываетъ только, что величины эти дѣйствительно и неотъемлемо принадлежатъ социологии. Чѣмъ многочисленнѣе коллективность, тѣмъ болѣе повышеніе и пониженіе общественнаго мнѣнія, народной воли или вѣры, соответствующія почти всегда повышеніямъ и пониженіямъ биржевыхъ цѣнностей, поддаются измѣренію, подобно измѣненіямъ температуры, атмосфернаго давленія или энергіи водяного потока. Поэтому, чѣмъ больше государство, тѣмъ легче развивается въ немъ статистика, занимающаяся, именно, отыскиваніемъ величинъ и количествъ и выдѣленіемъ ихъ изъ груды социальнихъ явленій, что тѣмъ лучше удается ей, чѣмъ въ большихъ массахъ, слагая ихъ изъ отдѣльныхъ актовъ, измѣряетъ она желанія и вѣрованія. Статистика биржевыхъ цѣнностей показываетъ измѣненія довѣрія общества къ успѣху того или другого предпріятія, къ платёжной способности того или другого акціонернаго общества и измѣненіе желаній и интересовъ общества, которымъ отвѣчали эти общества и предпріятія.

Промышленная и сельскохозяйственная статистика показываетъ важность общихъ потребностей, требующихъ производства того или другого продукта, и цѣлесообразность способовъ и средствъ, которыми пользовались для удовлетворенія ихъ. Даже судебная статистика интересна только потому, что позволяетъ судить по ней о ежегодномъ возрастаніи и уменьшеніи относительныхъ размѣровъ господствующихъ въ обществѣ стремлений, связанныхъ съ судебными процессами или преступлениями. Статистика народонаселенія, показывающая, съ точки зрѣнія биологіи, размноженіе вида, съ точки зрѣнія социологіи показываетъ ростъ и ослабленіе желанія вступать въ браки и имѣть дѣтей, и то, насколько распространено убѣжденіе, что въ супружествѣ и семьѣ можно найти счастье.

Но при какомъ условіи можно складывать вмѣстѣ силу вѣры и желанія отдѣльныхъ людей?—Только при условіи, что онѣ будутъ направлены на одинъ и тотъ же предметъ, къ осуществленію одной и той же идеи или къ совершенію одного и того же дѣла. Но какимъ же образомъ можетъ произойти это совпаденіе въ направленіи, дѣлающее изъ индивидуальныхъ энергій одно социальное цѣлое? Происходитъ ли это случайно или по предустановленной гармоніи?—Ни то и ни другое, если не считать нѣкоторыхъ рѣдкихъ исключеній, которыя, навѣрно, если ихъ разсмотрѣть поближе, только подтверждаютъ общее правило. Я думаю, что подобное согласіе умовъ и желаній, служащее даже въ самыя смутныя времена основой для общественной жизни, это одновременное присутствіе однихъ и тѣхъ же понятій и стремленій во всѣхъ умахъ и сердцахъ, въ одномъ и тотъ же обществѣ, происходитъ не вслѣдствіе органической наследственности, дѣлающей людей уже при рожденіи похожими другъ на друга, и не отъ вліянія одной и той же географической среды, но отъ внушенія и подраженія, распространяющихся отъ одного къ другому примѣръ перваго творца какой-нибудь идеи или акта.

Органическія потребности и духовныя стремленія существуютъ въ насъ только въ состояніи способностей, могущихъ проявиться въ самой различной формѣ, не смотря на ихъ слабое первоначальное сходство, и выборъ той или другой формы проявленія дѣлается изъ подражанія первому инициатору.

Перейдемъ теперь къ упомянутой выше элементарной социальной величинѣ, состоящей изъ двухъ лицъ, безразлично какого пола, отношеніе которыхъ другъ къ другу представляетъ собой, какъ я думаю, единственный и необходимый элементъ социальной жизни и состоитъ первоначально въ подражаніи одного другому. Внѣ всякаго сомнѣнія, что мы, живя въ обществѣ, всегда говоря, думая или дѣлая что бы то ни было, каждую минуту подражаемъ кому-нибудь другому, за исключеніемъ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда мы сами вводимъ новшества, то и тогда не трудно доказать, что наши нововведенія не больше какъ комбинація старыхъ образцовъ, и что они только тогда входятъ въ общественную жизнь, когда имъ начинаютъ подражать. Вы не говорите теперь ни одного слова, не воспроизводя безсознательно съ акцентомъ, свойственнымъ вашей средѣ, весьма старыхъ движеній голосовыми органами; вы не исполняете ни одного религиознаго обряда, не дѣлаете крестнаго знамени, не прикладываетесь къ иконѣ, не молитесь, не воспроизводя при этомъ традиціонныхъ

жестовъ и формулъ, перенятыхъ отъ предковъ; вы не отправляете военной или гражданской службы, не дѣлаете ничего въ своемъ ремеслѣ, не беря примѣра съ какого-нибудь живого образца; вы не дѣлаете ни одного мазка кистью, если вы живописецъ, не пишете ни одной строчки, если вы поэтъ, не подражая при этомъ болѣе или менѣе техникѣ и приемамъ той школы, къ которой вы принадлежите, и даже сама ваша оригинальность есть только сочетание банальностей, которое, въ свою очередь, сдѣлается банальнымъ.

Такимъ образомъ, всякое социальное явленіе имѣетъ постоянно подражательный характеръ, свойственный исключительно только социальнымъ явленіямъ. Гиддингсъ, который во всемъ остальномъ стоитъ на моей точкѣ зрѣнія, въ этомъ пунктѣ не совсѣмъ согласенъ со мной. Одно общество, — замѣчаетъ онъ, — можетъ подражать другому обществу, и даже враги заимствуютъ другъ у друга новыя формы вооруженія, военные приемы и техническія усовершенствованія, такъ что подражательность переступаетъ предѣлы *общественности* и, слѣдовательно, не можетъ быть однимъ изъ ея признаковъ ¹⁾. Меня удивляетъ подобное возраженіе отъ автора, который самъ смотритъ на борьбу между обществами, какъ на могущественный факторъ ихъ слиянія и соединенія въ одно болѣе обширное общество, къ которому рано или поздно приведутъ ихъ войны. И, дѣйствительно, можно замѣтить, какъ враждовавшіе нѣкогда народы начинаютъ сливаться вмѣстѣ по мѣрѣ того, какъ перенимаютъ другъ отъ друга различныя общественныя учрежденія. Весьма вѣроятно поэтому, что не только между болѣе или менѣе близкими лицами, всякій новый актъ подражанія поддерживааетъ и укрѣпляетъ общественную связь, но даже между чуждыми другъ другу индивидуумами подражаніе подготавливаетъ будущій союзъ и проводитъ между ними невидимыя нити, которыя превратятся впоследствии въ прочную связь.

Что же касается другихъ, сдѣланныхъ мнѣ возраженій, то всѣ они происходятъ отъ неправильнаго пониманія моихъ мыслей, и они падаютъ сами по себѣ въ глазахъ каждаго, кто только постарается стать всецѣло на мою точку зрѣнія, развитую въ моихъ прежнихъ работахъ.

---

¹⁾ Придавая слову *повтореніе* болѣе широкое значеніе, какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, Baldwin въ своей книгѣ объ „Умственномъ развитіи дѣтей“, можно сказать даже, что подражаніе является основнымъ фактомъ не только социальной и психической жизни, но и жизни органической, въ которой оно служитъ условіемъ привычки и наследственности. Однако, говоря по правдѣ, теорія этого тонкаго психолога не только не противорѣчитъ моей, но даже еще съ болѣею ясностью и очевидностью иллюстрируетъ и подтверждаетъ ее. Подражаніе одного человѣка другому, какъ я его понимаю, есть слѣдствіе подражанія одного душевнаго состоянія другому въ одномъ и томъ же человѣкѣ, внутренняго подражанія, называемаго привычкой, которое свой опредѣленный характеръ и потому не можетъ быть смѣшано съ первымъ. Физиолого-психологъ Baldwin очень хорошо объясняетъ органической и умственный источникъ подражанія, но на этомъ кончается его роль и онъ долженъ уступить мѣсто психо-соціологу. Я очень жалѣю, что книга Baldwin'a вышла позже моихъ „Законовъ Подражанія“, и я не могъ поэтому воспользоваться его анализами, которые только подтверждаютъ мои законы.

Во всякомъ случаѣ, книга Baldwin'a можетъ служить хорошимъ отвѣтомъ на дѣлаемый мнѣ упрекъ, что я употребляю слово повтореніе въ слишкомъ широкомъ смыслѣ.

Но недостаточно только подчеркнуть этотъ подражательный характеръ всякаго общественнаго явленія. Надо, кромѣ того, не упускать изъ виду, что это отношеніе подражанія существовало первоначально не между однимъ индивидуумомъ и смѣшанной массою людей, какъ это часто случается теперь, но только между двумя индивидуумами, изъ которыхъ одинъ только входитъ въ общественную жизнь, а другой, уже раньше вошедшій въ нее, служитъ ему образцомъ. Подвигаясь впередъ въ общественной жизни, мы начинаемъ поддѣлываться подъ коллективныя и безличныя модели, при этомъ почти всегда безсознательныя, и, прежде чѣмъ говорить, думать и дѣлать, какъ говорятъ, думаютъ и дѣлаютъ *естъ вообще*, мы начинаемъ говорить, думать и дѣлать, какъ говорить, думать и дѣлаютъ тотъ или другой членъ нашей семьи, затѣмъ тотъ или другой изъ нашихъ учителей или друзей, и въ основѣ этого *естъ вообще*, какъ ни искать старательно, нельзя найти ничего, кромѣ нѣкотораго числа *ихъ*, которые, умножившись, слились въ одно. Какъ этотъ фактъ ни простъ и ни очевиденъ, многіе забываютъ его и оспариваютъ творческую роль частной и индивидуальной инициативы въ общественныхъ дѣлахъ и учрежденіяхъ,—напримѣръ, что языкъ и религія есть дѣло коллективности, и толпа безъ какаго бы то ни было вожака создала греческій или санскритскій языкъ, буддизмъ или христіанство, и что, наконецъ, образованія и измѣненія обществъ объясняются не возбуждающимъ и раздражительнымъ вліяніемъ на коллективность какаго-нибудь избраннаго индивидуума, а, наоборотъ, подавляющимъ вліяніемъ коллективности на взрослыхъ людей и дѣтей. Авторы подобныхъ объясненій не замѣчаютъ того, что, ссылаясь на какую-то коллективную силу, получившуюся отъ сходства между собой въ извѣстномъ отношеніи миллионовъ людей, они обходятъ самый трудный вопросъ: какъ могло явиться это всеобщее сходство?

Отвѣтить на него можно только продолживъ анализъ, какъ это дѣлалъ я, до между-мозгового отношенія между двумя умами, до отраженія одного другимъ, и только тогда можно будетъ объяснить единодушіе, сочувствіе и единомысліе, которыя, явившись разъ и продолжаясь затѣмъ по традиціи и изъ подражанія предкамъ, производятъ на индивидуума властное, хотя не рѣдко спасительное давленіе ¹⁾. Такимъ образомъ, социологія должна исходить изъ этихъ отношеній, какъ астрономія исходить изъ отношенія между двумя взаимно-притягивающимися массами, въ нихъ должна искать она ключъ къ социальной тайнѣ, формулу нѣсколькихъ простыхъ, но имѣющихъ повсемѣстное приложеніе законовъ, которые помогутъ ей работать въ хаосѣ исторіи и общественной жизни людей.

Считаю нужнымъ замѣтить здѣсь, что понятая такимъ образомъ социологія столько же отличается отъ прежнихъ теорій, называвшихся ея именемъ, сколько современная астрономія отличается отъ астрономіи гре-

¹⁾ Не надо забывать, что входятъ въ общественную жизнь уже въ очень раннемъ возрастѣ, а ребенокъ, который вообще жадно ищетъ примѣровъ для подражанія, будетъ находить ихъ прежде всего въ своей семьѣ, а затѣмъ и внѣ ея.

ковъ, и биологія съ теоріей клѣточекъ отъ старой биологіи¹⁾. Другими словами, она основывается на безчисленныхъ дѣйствительныхъ и элементарныхъ сходствахъ и повтореніяхъ, которыми она, какъ первымъ результатомъ научной работы, замѣнила небольшое число невѣрныхъ и неясныхъ аналогій.

И если, благодаря этой замѣнѣ, однообразная сторона общества оказалась болѣе обширной и глубокой, не менѣе выиграла отъ этого и его дифференціальная сторона. Придется, безъ сомнѣнія, отказаться впредь отъ тѣхъ искусственныхъ различій, которыя «философія исторіи» устанавливала между народами, какъ между дѣйствующими лицами одной и той же огромной комедіи, въ которой имъ предназначено сыграть каждому свою роль. Слѣдовательно, нельзя больше осмысленно употреблять выраженій, которыми такъ злоупотребляли раньше, *геній народа или народностей*—такъ же, какъ и *геній языка* или *геній религіи*, въ томъ смыслѣ, въ какомъ ихъ употребляли еще Тэнъ и Ренанъ. Этимъ коллективнымъ геніемъ, этимъ метафизическимъ врожденностямъ, приписывали воображаемую, хотя очень неопредѣленную, оригинальность и нѣкоторое будто-бы неискоренимое предрасположеніе къ извѣстнымъ грамматическимъ формамъ, религіознымъ понятіямъ и правительственнымъ учрежденіямъ, а, съ другой стороны, предпологали въ нихъ непримиримую вражду противъ понятій и учрежденій, существующихъ у нихъ соперниковъ. Семитическій геній, напримѣръ, считали абсолютно неспособнымъ къ многобожью, къ аналитической системѣ современныхъ языковъ и къ представительному правленію; греческій геній—къ монотеизму; китайскій и японскій геній—ко всѣмъ вообще европейскимъ понятіямъ и учрежденіямъ. Если факты противорѣчили этой онтологической теоріи, партизаны ея силою втискивали ихъ въ требуемыя рамки и не обращали никакого вниманія на тѣ глубокія измѣненія, которыя вносило за собой распространіе новой религіи, языка или учрежденія за предѣлы создавшаго ихъ народа, несмотря на сопротивленіе генія другихъ націй, который долженъ былъ бы быть для нихъ непреодолимою преградой. Иногда, чтобы поддѣлаться подъ эти факты, искажали нѣсколько основную мысль и дѣлали различіе только между благородными, изобрѣтательными расами, которыя однѣ только имѣютъ привилегію на открытія и на распространеніе ихъ, и расами, рожденными для рабскаго и бессмысленнаго подражанія языку, религіи и понятіямъ, позаимствованнымъ у первыхъ. Кромѣ того, отрицали для этого побѣдоноснаго прозелитизма одной цивилизаціи надъ другою и одного народнаго генія надъ другимъ возможность переходить за извѣстные предѣлы, какъ напримѣръ, европеизировать Китай или Японію; но, что касается этой послѣдней, факты показали противное, и, можно надѣяться что то же самое случится и относительно Небесной Имперіи.

¹⁾ Подобный взглядъ на социологію почти противоположенъ взгляду эволюціонистовъ и Дюркгейма: вмѣсто того, чтобы объяснять все приложеніемъ, такъ называемаго, *закона эволюціи*, заставляющаго всю совокупность явленій тождественно повторяться въ извѣстномъ порядкѣ, т. е. вмѣсто того, чтобы объяснить составныя частыя посредствомъ цѣлаго и меньшее посредствомъ большаго, и объясняя сходства каждой совокупности накопленіемъ мелкихъ элементарныхъ актовъ, т. е. объясняя цѣлое его составными частями и большее посредствомъ меньшаго.

Такимъ образомъ, приходится считаться съ очевидностью и признать, что *геній* народа или націи—не господствующій факторъ, стоящій выше индивидуальныхъ геніевъ, которые будто бы его, отброски и временныя проявленія, а всего только удобная надпись и анонимный синтезъ этихъ личныхъ особенностей, которыя однѣ дѣйствительно существуютъ и каждую минуту оказываютъ свое вліяніе и дѣйствіе на безчисленныя социальныя явленія, находясь въ состояніи непрерывнаго броженія внутри каждаго общества, благодаря постояннымъ заимствованіямъ и плодотворному обмѣну съ сосѣдними обществами, такъ что коллективный и безличный геній есть *функция*, а не *факторъ* безчисленныхъ индивидуальныхъ геніевъ, но будучи ихъ фотографіей, онъ не долженъ дѣлаться ихъ маской и прикрывать ихъ собой. И живописность социальныхъ фактовъ, способная остановить на себѣ вниманіе историка-художника, не потеряетъ ничего, когда сквозь эту фантазмагорію нѣсколькихъ крупныхъ историческихъ актеровъ, неясно обрисованныхъ подъ именемъ Египта, Рима, Аѳинъ и т. п., мы увидимъ рой активныхъ индивидуальностей, изъ которыхъ каждая *sui generis* и носитъ на себѣ свой особый отпечатокъ, позволяющій узнать ее и отличать отъ тысячи другихъ.

Можно, слѣдовательно, еще разъ придти къ заключенію, что ставъ на эту социологическую точку зрѣнія, мы поступаемъ точно такъ, какъ поступали всѣ другія науки, которыя подвигались впередъ, замѣняя немногія ложныя и неясныя сходства и различія безчисленнымъ множествомъ вѣрныхъ и точныхъ, что представляетъ двойную выгоду какъ для художника, такъ и для ученаго, и главнымъ образомъ для философа, который долженъ не только не отличаться отъ нихъ, но даже синтезировать ихъ обихъ.

Позволяю себѣ сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній. Пока не былъ открытъ элементарный астрономическій фактъ—притяженіе по закону Ньютона, или, по крайней мѣрѣ, движеніе по эллиптическимъ орбитамъ, существовало нѣсколько разнородныхъ *астрономическихъ наукъ*: наука о лунѣ или селенологія, наука о солнцѣ или гелиологія и т. д., но не было *астрономіи*.—Пока не подмѣтили элементарный химическій фактъ—сродство и постоянство состава, существовало нѣсколько специальныхъ *химическихъ наукъ*: желѣза, свинца, мѣди и т. д., но не было *химіи*. Пока не былъ открытъ основной физическій фактъ—волнообразное распространеніе молекулярнаго движенія, существовало нѣсколько *физическихъ наукъ*: оптика, акустика, термолוגія и т. д., но не было *физики*. Физика сдѣлалась физико-химіей, наукой обо всей вообще неорганической природѣ, когда предусмотрѣли возможность объяснить все въ ней посредствомъ основныхъ законовъ механики, когда думали, что открыли основной неорганической фактъ: сохраненіе энергіи, сведеніе всѣхъ энергій къ различнымъ формамъ движенія, *механической эквивалентъ* теплоты, электричества, свѣта и т. д.—Наконецъ, прежде чѣмъ была открыта аналогія, существующая, съ точки зрѣнія воспроизведенія, между животными и растениями, не было ни *ботаники*, ни *зоологіи*, а было нѣсколько *ботаническихъ* и *зоологическихъ наукъ*, нѣчто въ родѣ гиппологіи, кинолוגіи и т. п. Но открытіе упомянутыхъ сходствъ только отчасти привело къ единству эти разбросанныя знанія, эти *membra disjecta* буду-

щей биологіи. Биологія зародилась, въ дѣйствительности, только тогда, когда теорія клѣточки выяснила основной жизненный фактъ: отправленіе клѣточки или гистологическаго элемента, и размноженіе черезъ яичко, т. е. такую же клѣточку, что дало возможность сопоставить питаніе съ оплодотвореніемъ.

Слѣдовало бы такимъ же самымъ образомъ различныя *соціальныя науки* замѣнить наконецъ *соціологіей*. И, дѣйствительно, прежде чѣмъ появился зародышъ соціологіи, уже существовало, по крайней мѣрѣ въ видѣ зачатковъ, нѣсколько соціальныхъ наукъ: лингвистика, сравнительная мѣологія, эстетика, мораль и политическая экономія,—последняя уже давно достигла довольно значительной степени развитія. Соціологія, какъ таковая, предполагаетъ существованіе элементарнаго соціальнаго факта, такъ что даже, прежде чѣмъ придти къ открытію его, она уже мечтала о немъ и воображала, что найдетъ его въ формѣ одного изъ тѣхъ кажущихся повтореній, которыми переполнена колыбель всякой науки, считая глубоко поучительной гипотезу, рассматривающую общество, какъ одинъ большой организмъ, индивидуумъ или семью, какъ соціальную клѣточку, а всякую общественную дѣятельность, какъ отправленіе клѣточки или цѣлой ткани. Я, какъ и большинство другихъ соціологовъ, дѣлалъ величайшія усилія, чтобы очистить зарождающуюся науку отъ этихъ засоряющихъ ее взглядовъ. Позволю себѣ сказать по этому поводу еще нѣсколько словъ.

Научное познаніе такъ ясно сознаетъ необходимость опереться прежде всего на сходства и повторенія, что, когда оно не имѣетъ ихъ подъ рукой, оно, какъ я уже сказалъ, создаетъ воображаемыя, куда, вмѣстѣ со многими другими, можно отнести и пресловутую метафору соціальнаго организма, которая только временно могла быть полезной. Въ началѣ всякой науки, какъ и литературы, аллегорія играетъ огромную роль. Въ математикѣ мы видимъ, что аллегорическія фантазіи Пифагора и Платона предшествовали основательнымъ обобщеніямъ Архимеда. Астрологія и магія, какъ преддверіе астрономіи, и алхимія, какъ лепетъ будущей химіи, были основаны скорѣе на постулатѣ *всемірной аллегории*, чѣмъ *всемірной аналогіи*. Онѣ допускали, напримѣръ, нѣчто въ родѣ предустановленной гармоніи между положеніемъ нѣкоторыхъ планетъ и судьбами людей, между какимъ-нибудь искусственно произведеннымъ дѣйствіемъ и реальнымъ явленіемъ, между природою химическаго тѣла и звѣздой и планетой, имя которой оно носить и т. п. Не слѣдуетъ забывать, что римское право, дѣлая первые шаги къ будущей юриспруденціи, часто имѣетъ въ своихъ *acta legis* символическій характеръ. Вспомнимъ мимоходомъ,—такъ какъ теологія была для нашихъ пращуровъ такою же наукой, какъ и юриспруденція,—и то, какъ первые теологи любили придавать воображаемый смыслъ библейскимъ сказаніямъ, видя, напримѣръ, въ исторіи Якова предначертанную исторію Христа или въ Пѣснѣ Пѣсней символъ любви христіанской церкви къ Богу. Теологія, какъ наука, начинается только въ средніе вѣка, какъ современная французская литература начинается «Романомъ Розы». Но, какъ ни далеки эти идеи отъ идей св. Фомы Аквинскаго и позднѣйшихъ теологовъ, онѣ нашли себѣ подражателя, уже въ наше время, въ символическомъ мисти-

цизмъ монаха Гратри, видѣвшаго въ солнечной системѣ символъ общенія души съ богомъ, вокругъ котораго она вращается, а въ кругѣ и эллипсѣ символъ морали, вписанной гіероглифически въ коническія сѣченія.

Я не хочу, конечно приравнивать къ этимъ чудачествамъ тѣ болѣе или менѣе обоснованные и серьезные выводы, къ которымъ пришли недавно Гербертъ Спенсеръ, иди по стопамъ Канта, и затѣмъ Рене Вормсъ, исходя изъ гипотезы общественнаго организма: я, даже критикуя ихъ, не отрицаю за ними извѣстнаго достоинства и временной пользы, но, обобщая сказанное раньше, я считаю себя вправѣ утверждать теперь слѣдующее: прогрессъ всякой науки состоитъ въ замѣнѣ *внѣшнихъ* сходствъ и повтореній, т. е. сравненій предмета этой науки съ предметами другихъ наукъ, *внутренними* сходствами и повтореніями, т. е. сравненіями этого предмета съ самимъ собою въ его различныхъ проявленіяхъ и съ различныхъ точекъ зрѣнія. Гипотезѣ общественнаго организма, разсматривающей народъ, какъ своего рода животное или растение, соответствуетъ гипотеза жизненнаго механизма, которая видитъ въ животномъ и растеніяхъ живыя машины. Но біологія подвинулась впередъ, благодаря не этому натянутому сравненію живого тѣла съ механизмомъ, а сравненію между собой различныхъ растеній, различныхъ животныхъ и затѣмъ вообще всѣхъ органическихъ тѣлъ вмѣстѣ ¹⁾). Такъ точно и социологія сдѣлала уже значительный шагъ впередъ, благодаря не сравненію общества съ организмомъ, а сравненію между собой различныхъ обществъ и сопоставленію одного съ другимъ развитій языка, права, религіи и промышленности; но особенно, благодаря вниманію, обращенному на подражаніе одного человѣка другому, дающее аналитическое объясненіе совокупности всѣхъ явленій.

Сдѣлавъ всѣ эти замѣчанія, теперь можно уже перейти къ изложенію общихъ законовъ, управляющихъ подражательнымъ повтореніемъ, и которые составляютъ для социологіи то же, что законы привычки и наслѣдственности составляютъ для біологіи, законы притяженія для астрономіи и законы волнообразнаго колебанія для физики. Но я болѣе или менѣе подробно разобралъ этотъ вопросъ въ одномъ изъ моихъ предыдущихъ сочиненій: «Законы подражанія», къ которому и позволяю себѣ отослать тѣхъ, кто интересуется этимъ. Однако, считаю нужнымъ указать здѣсь на одинъ невыясненный мною раньше пунктъ, а именно, на то, что въ сущности всѣ эти законы вытекаютъ изъ одного общаго принципа: тенденціи примѣра, поданнаго какой-нибудь соціальной группѣ, распространяться въ геометрической прогрессіи, если эта группа остается однородной. Въ этой *тенденціи*, впрочемъ, я не вижу ничего таинственнаго. Дѣло въ сущности очень просто. Когда, на примѣръ, въ группѣ чув-

¹⁾ Подобнымъ же образомъ и математика была подвинута впередъ не швагоровыми сравненіями ея съ другими науками, и, насколько эти сравненія были бесплодны, настолько плодотворнымъ оказалось сближеніе геометріи съ алгеброй, сдѣланное Декартомъ; но полнаго расцвѣта достигла математика только послѣ изобрѣтенія дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія, когда найденъ былъ неразложимый математическій элементъ, безконечныя повторенія котораго объясняютъ все.

ствуется всѣми потребность выразить новое понятіе какимъ-нибудь новымъ словомъ, стоитъ только первому придумавшему подходящее выраженіе произнести его вслухъ, чтобы его сейчасъ же переняли его близкіе, изъ которыхъ каждый распространить его среди своихъ близкихъ—и такъ далѣе, пока вся группа не усвоитъ его, и оно не перейдетъ затѣмъ къ сосѣднимъ группамъ. Этимъ я не хочу сказать, что въ этомъ выраженіи есть душа, въ которой есть стремленіе распространяться; такъ и физикъ, который говоритъ, что звуковая волна стремится распространиться въ воздухъ, не приписываетъ этой простой формѣ внутреннюю силу и волю¹⁾. Это только своеобразный способъ выраженія, означающій въ одномъ случаѣ, что силы, приложенныя къ молекуламъ воздуха, нашли себѣ выходъ въ этомъ волнообразномъ повторяющемся движеніи, и въ другомъ случаѣ, что специальная потребность индивидуумовъ какой-нибудь группы нашла себѣ удовлетвореніе въ этомъ подражательномъ повтореніи, которое освобождаетъ ихъ природную лѣнь (аналогичную матеріальной *инерции*) отъ труда изобрѣтать, что нибудь собственными условіями. Но, какъ бы то ни было, тенденція къ геометрическому прогрессируванію, о которой идетъ рѣчь, внѣ всякаго сомнѣнія; только чаще всего она встрѣчаетъ всевозможныя препятствія къ своему осуществленію, и довольно рѣдко можно замѣтить ее съ перваго взгляда въ статистическихъ діаграммахъ, относящихся къ распространенію въ публикѣ какого-нибудь новаго изобрѣтенія. Въ чемъ же состоятъ эти препятствія? Нѣкоторыя изъ нихъ происходятъ отъ разницы въ климатическихъ и расовыхъ условіяхъ, но это не самыя важныя: наибольшее препятствіе распространенію соціальнаго нововведенія и его переходу въ традиціонный обычай встрѣчается со стороны другого какого-нибудь нововведенія, распространяющагося наравнѣ съ первымъ, при чемъ между ними, говоря языкомъ физики, происходитъ интерференція. Дѣйствительно, каждый разъ, когда кто-нибудь изъ насъ колеблется между двумя выраженіями, двумя идеями, двумя вѣрованіями или двумя поступками, въ немъ происходитъ интерференція подражательныхъ лучей, исходящихъ изъ двухъ часто совершенно различныхъ свѣтящихся точекъ, т. е. изобрѣтателей или первыхъ индивидуальныхъ подражателей. Какимъ же образомъ въ такомъ случаѣ дѣлается выборъ? Что можетъ вліять на него? Вліяніе это, какъ я показалъ въ «Законахъ подражанія», бываетъ двухъ родовъ: или логическое, или экстралогическое, при чемъ считаю излишнимъ прибавить, что и это послѣднее бываетъ въ извѣстномъ смыслѣ логическимъ, такъ какъ, если плебей подражаетъ патрицію, селянинъ горожанину, провинціалъ парижанину и т. д. (что я называлъ подражательнымъ водопадомъ сверху внизъ по соціальной лѣстницѣ), то, какъ ни слѣпо это подражаніе, оно основано все-таки на безсознательномъ довѣрїи къ тому, что кажется имѣющимъ извѣстный авторитетъ. То же самое можно сказать и относительно того, какъ примитивный человѣкъ предпочитаетъ слѣдовать примѣру предковъ, чѣмъ при-

¹⁾ Подобно тому и естествоиспытатель, говоря, что видъ стремится распространиться въ геометрической прогрессіи, не думаетъ при этомъ, что типическая форма сама по себѣ, независимо отъ вліянія солнца, химическаго сродства и физическихъ силъ, обладаетъ независимой энергіей и волей.

мѣру чужого новатора, или какъ, наоборотъ, современный городской житель, убѣжденный почему то а priori, что все новое непременно лучше стараго, дѣлаетъ, такъ же слѣпо, какъ и первый, противоположный ему выборъ. Тѣмъ не менѣе надо строго отличать мнѣніе индивидуума, основанное на соображеніяхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ самою природою сравниваемыхъ идей, образцовъ или желаній, отъ того случая, когда онъ дѣлаетъ выборъ въ силу разсужденій относительно тѣхъ или другихъ внутреннихъ качествъ двухъ идей или желаній, при чемъ, конечно, причины, повліявшія на выборъ, можно назвать логическими.

Въ слѣдующей части мы снова встрѣтимся съ этими логическими и телеологическими поединками, составляющими элементъ соціального противопоставленія или оппозиціи, и тогда мы поговоримъ о нихъ подробнѣе. Прибавимъ только, что интерференціи раздражательныхъ лучей, какъ и интерференціи звуковыхъ или свѣтовыхъ лучей, не всегда ведутъ къ ихъ взаимному уничтоженію или ослабленію, но часто служатъ къ ихъ соединенію, ускоренію и усилению. Иногда даже, какъ мы это увидимъ въ третьей части, посвященной соціальнымъ приспособленіямъ, столкновение и комбинаціи ихъ въ одномъ и томъ же мозгу служатъ часто поводомъ для возникновенія новыхъ общихъ понятій и идей.

Противоположенія.

Теоретически наиболѣе важнымъ является повтореніе явленій, съ точки-же зрѣнія практическаго приложенія наибольшій интересъ представляетъ собой ихъ противоположеніе, но, хотя на него и обращали вниманіе, все-таки до сихъ поръ, начиная отъ Аристотеля, его не умѣли выдѣлать изъ кучи побочныхъ элементовъ.

Здѣсь мы повторимъ сказанное выше, что прогрессъ науки состоялъ въ томъ, чтобы замѣнить небольшое число поверхностныхъ и грубыхъ противоположеній, съ перваго взгляда бросающихся въ глаза, безчисленными противоположеніями, трудно уловимыми, но болѣе тонкими и глубокими—и противоположенія внѣшнія по отношенію къ разсматриваемому предмету—противоположеніями, лежащими внутри его, а также въ томъ, чтобы уничтожить кажущіяся диссиметріи и ассиметріи и подставить на ихъ мѣсто много скрытыхъ и болѣе поучительныхъ.

Разсмотримъ противоположенія въ звѣздномъ небѣ. День и ночь, земля и небо считались сначала прямыми антитезами другъ къ другу, и на этомъ основывалась религіозная космогонія, зачатокъ нарождающейся астрономіи и геологіи. Затѣмъ появились противоположенія, болѣе соответствующія дѣйствительности, но все еще плохо выясненныя и поверхностныя—зенита и надира, являющіяся только крайнимъ выводомъ изъ антитезы верха и низа, четырехъ попарно противоположныхъ странъ свѣта, зимы и лѣта, весны и осени, утра и вечера, полудня и полуночи, первой и послѣдней четверти луны и т. д. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи наука удержала, правда, почти всѣ эти противоположенія, но уже не придавая имъ такой важности и такого значенія, какія имъ приписывались раньше. Для дикарей востокъ не представляетъ собой, какъ для насъ, только извѣстное направленіе по отношенію къ линіи, соединяющей нашъ глазъ, и

полярную звѣзду: для нихъ это мѣсто будущей блаженной жизни, вѣчное мѣстопребываніе душъ и тѣней. Отсюда беретъ начало требуемое ритуаломъ расположеніе церквей и могилъ. У древнихъ земледѣльцевъ существовало повѣріе, встрѣчающееся еще и теперь нерѣдко у нашихъ крестьянъ, о хорошихъ и дурныхъ дняхъ, о влияніи той или другой четверти луны на ростъ хлѣбовъ и деревьевъ и т. д.

Одни изъ этихъ противоположеній, какъ я уже сказалъ, были сохранены наукой, но только, какъ чисто условныя опредѣленія; другія же, какъ, напримѣръ, противоположность между земнымъ и небеснымъ, луной и солнцемъ были отброшены и уступили мѣсто новымъ, болѣе глубокимъ противопоставленіямъ. Сперва, открытіе эллиптической, параболической или гиперболической формы звѣздныхъ, планетныхъ и кометныхъ орбитъ, дало возможность замѣтить симметричное расположеніе половинъ этихъ кривыхъ по обѣимъ сторонамъ большой оси; затѣмъ, было замѣчено, что эллипсичность планетъ совершенно правильно и послѣдовательно то уменьшается, то увеличивается по отношенію къ положенію равновѣсія, и, наконецъ, была открыта всеобщая и глубокая астрономическая антитеза, служащая основаніемъ всѣхъ остальныхъ: равенство между испытываемымъ и производимымъ притяженіемъ каждой массы, которая притягивается съ тою же силою, съ какою сама притягиваетъ къ себѣ. Это одно изъ лучшихъ проявленій механическаго закона всеобщаго противоположенія—закона равенства дѣйствія и противодѣйствія.

Физика и химія, подобно астрономіи, начали тоже съ ложныхъ противоположеній. *Четыре элемента* древнихъ физиковъ попарно противопоставались другъ другу: вода—огню и воздухъ—землѣ. Между нѣкоторыми субстанціями предполагалась врожденная антипатія. Только съ открытіемъ болѣе или менѣе противоположнаго характера кислотъ и основаній, и особенно положительнаго и отрицательнаго электричества, въ наукѣ появились болѣе здравыя понятія объ истинной природѣ физическихъ и химическихъ противоположеній. Понятіе о полярности, сыгравшее такую важную роль въ физико-химическихъ теоріяхъ, представляло собой огромный шагъ впередъ, сравнительно съ прежними взглядами, пока оно само не было въ свою очередь объяснено новымъ понятіемъ о волнообразныхъ колебаніяхъ, къ теоріи которыхъ скоро будетъ окончательно сведена прежняя теорія полярности. Подобно тому, какъ свѣтъ, теплота и электричество являются сферическимъ или линейнымъ распространеніемъ безконечно-малыхъ и безконечно-быстрыхъ колебаній, химическія соединенія могутъ быть, повидимому, объяснены гармоническимъ сліяніемъ волнъ,—но это относится уже къ области приспособленій. Даже притяженіе часто объясняютъ толчками эфирныхъ колебаній. Но, какъ бы то ни было, несомнѣнно, что эллиптическое движеніе свѣтилъ есть, хотя въ безконечно-большихъ размѣрахъ, тѣ-же колебанія физическихъ волнъ, движенія молекулъ по сильно вытянутымъ эллипсамъ, и что, какъ тамъ, такъ и здѣсь, мы имѣемъ дѣло съ ритмическимъ волнообразнымъ движеніемъ. Въ общемъ, мы видимъ, что съ прогрессомъ науки углублялось и расширялось поле ея противопоставленій, и что на мѣсто неясныхъ *качественныхъ* противоположеній подставлялись точныя и ритмическія *количественныя* противоположенія, изъ которыхъ соткана мировая канва. Удивительная симметрія кристаллическихъ

формъ, свойственныхъ каждой химической субстанціи, есть только графическое выраженіе ритмическихъ противоположеній составляющихъ ее безчисленныхъ движеній. Въ этой ритмичности внутреннихъ движеній, происходящихъ въ тѣлахъ, быть можетъ, надо искать и окончательное объясненіе закона Менделѣева, показавшаго намъ, какъ химическія тѣла образуютъ послѣдовательныя и періодически-повторяющіяся гаммы, — клавиатуру, гдѣ мѣстами недостаетъ нѣкоторыхъ клавишей, которыя мы отъ времени до времени находимъ одну за другой.

Но, открывая по мѣрѣ своего развитія новыя, болѣе глубокія и болѣе точныя симметріи и противопоставленія, физика обнаруживала въ то-же время и новыя, болѣе важныя, чѣмъ тѣ, которыя она знала прежде, несимметричности, несоразмѣрности и *непротивоположенія*. Она показала, напримѣръ, что, за исключеніемъ нѣкоторыхъ спутниковъ въ солнечной системѣ, нѣтъ планетъ, движущихся въ направленіи, противоположномъ общему движенію. Усовершенствованные телескопы открыли диссимметрію въ очертаніяхъ почти всѣхъ небесныхъ туманностей. У насъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія предполагать симметрію между эволюціей и распаденіемъ солнечной системы, если только это распаденіе дѣйствительно происходитъ, или между послѣдовательнымъ образованіемъ геологическихъ наслоеній какой-нибудь планеты и ея окончательнымъ раздробленіемъ, если придерживаться на этотъ счетъ взглядовъ Станислава Менье. Небо, усыянное звѣздами, представляетъ теперь, какъ и до существованія астрономіи, наиболѣе фантастичное и живописное зрѣлище, и даже теперь, когда уже достигнута большой прогрессъ въ знакомствѣ съ образующими все это силами, уравновѣшенными и симметрически противоположными, этотъ безпорядокъ еще болѣе бросается въ глаза. Какая астрономія могла-бы думать теперь о существованіи антихтопа (противоземли), гдѣ все было-бы прямо противоположно тому, что мы видимъ на землѣ? Чѣмъ болѣе мы знакомимся съ географіей нашей планеты, тѣмъ болѣе поражаетъ насъ полнѣйшее отсутствіе симметріи въ очертаніи ея материковъ, и никто уже не повѣритъ теперь въ *пятиугольную стѣну* Бошана. Даже въ кристаллографіи были открыты незамѣченныя раньше диссимметріи, имѣющія, какъ показали работы Пастера, огромное значеніе.

Отъ астрономіи перейдемъ къ биологіи. Въ мірѣ животномъ прежде всего были замѣчены грубыя и только кажущіяся противоположенія: жизнь и смерть, молодость и старость и т. д., въ которыхъ уже съ самыхъ древнихъ временъ видѣли сходство между животными и растениями, — нѣчто въ родѣ намека на общую биологію. Не могли, конечно, не замѣтить бросающейся въ глаза, вслѣдствіе своей всеобщности, симметріи животныхъ формъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ было выдуманно много противоположеній, ничему не соответствующихъ и совершенно бессмысленныхъ. Такимъ же образомъ, дикари и даже многіе неграмотные люди у насъ рѣшительно противопоставляютъ чистыхъ животныхъ, т. е. тѣхъ, которыхъ религія разрѣшаетъ употреблять въ пищу, нечистымъ, съѣдобныя растенія — ядовитымъ и полезнымъ животнымъ вреднымъ. Съ субъективной точки зрѣнія противоположеніе это совершенно вѣрно, но съ объективной, съ какой инстинктивно смотрятъ на него темные люди, оно, несомнѣнно, чистая фантазія. Медики долгое время смотрѣли на болѣзнь и здоровье, какъ на

два состоянія, прямо противоположныя другъ другу, и думали, что причины болѣзни также прямо противоположны причинамъ здоровья. На этомъ заблужденіи была основана гомеопатія. Прогрессъ физиологіи уничтожилъ это подраздѣленіе, оставшееся теперь только въ рѣчи. Патологическое состояніе есть только уклоненіе отъ нормальнаго физиологическаго функционирования, но отнюдь не противоположно ему. На постепенное разрушеніе живого организма смотрѣли тоже, какъ на что-то противоположное и обратное его росту и развитію, на старость, какъ на возвращеніе къ дѣтству. Эта точка зрѣнія могла быть окончательно уничтожена только послѣ того, какъ эмбриологія показала рядъ послѣдовательнаго развитія формъ, въ которомъ, конечно, нѣтъ ничего аналогично-обратнаго фазамъ старческаго одряхлѣнія.

Уже долго послѣ того, какъ была основана біологія, многіе физиологи все еще видѣли противоположеніе, отчасти искусственное, отчасти научное, между жизнью животнаго и ростомъ растенія: въ ихъ глазахъ дыханіе животнаго было прямо противоположно дыханію растеній, и одно поглощало то, что производило другое. Сравнительная физиологія въ лицѣ Клодъ Бернара и другихъ показала поверхностность этого взгляда и существенное единство жизни въ обоихъ царствахъ, различныхъ, но не противоположныхъ. Но, уничтоживъ эти ложныя и неясныя противопоставленія между различными группами существъ, отдѣльными существами—или свойствами одного и того же существа, прогрессъ знанія пополнилъ пробѣлъ, открывъ внутри тканей безчисленныя и безконечно-малыя, но дѣйствительно существующія противоположенія: между окисленіемъ и раскисленіемъ каждой клѣточки, между приобрѣтеніемъ и затратою силы и т. д. И здѣсь наиболѣе основательныя и плодотворныя противоположенія являются болѣе въ формѣ ритма, чѣмъ въ формѣ борьбы.

Но, въ то-же время были выяснены и новыя, болѣе скрытыя диссимметріи, какъ та, напримѣръ, которая была установлена между функционированіемъ обоихъ мозговыхъ полушарій. И это не единственный случай, когда симметрія формъ, существующая между органами, расположенными по обѣимъ сторонамъ тѣла: правой и лѣвой рукой, правымъ и лѣвымъ глазомъ и т. д. скрываетъ, какъ оказалось, глубокую диссимметрію и несимметричность въ отправляемыхъ ими функціяхъ. Кромѣ того, какъ я уже сказалъ выше, съ прогрессомъ научныхъ наблюденій должна была исчезнуть и старая теорія о разрушеніи живыхъ существъ и животныхъ типовъ, прямо противоположномъ ихъ эволюціи. Это исчезновеніе симметріи между двумя періодами жизни: ея ростомъ и ея угасаніемъ, имѣло огромное значеніе, показавъ, что жизнь не есть, такъ сказать, простая игра и перевѣсъ попеременно одной силы надъ другой, но непрерывное движеніе впередъ, и, подтвердивъ такимъ образомъ идею прогресса, разсматривающую противопоставленія явленій, ихъ симметрію, ритмъ и борьбу, а равно и ихъ повторенія, какъ простыя орудія прогресса, какъ его промежуточныя стадіи.

Почти все, сказанное выше, можно повторить и относительно социологіи. Началась она мифологіей и въ качествѣ таковой объяснила все, случающееся въ исторіи, фантастическимъ единоборствомъ и гигантскими

войнами между добрыми и злыми божествами, между богами свѣта и богами тьмы, между героями и чудовищами. Метафизика не менѣ мисологіи злоупотребила сраженіями, придумавъ противоположенія прямыхъ и обратныхъ рядовъ или между послѣдовательнымъ развитіемъ человѣчества сперва въ одномъ направленіи, затѣмъ въ другомъ, обратномъ по отношенію къ первому. Здѣсь Платонъ сходится во взглядахъ съ индусскими философами. У Гегеля съ его слишкомъ смѣлыми обобщеніями и группировкой народовъ подъ знаменами враждебныхъ другъ другу идей, или у Виктора Кузена съ его воображаемой антитезой между *безконечнымъ* Востокомъ и *конечной* Греціей можно также найти превосходные образчики старыхъ соціологическихъ антиномій. Теперь все это исчезло, какъ и пресловутое противоположеніе врожденной косности азіатовъ природному стремленію къ прогрессу европейцевъ, блестяще опровергнутое современной европеизаціей японцевъ.

Экономисты оказали соціальной наукѣ огромную услугу уже тѣмъ, что войну, служившую прежде единственнымъ ключомъ къ исторіи, замѣнили конкуренціей, тоже своего рода войной, но, во-первыхъ, болѣ мирной и скрытой, а, во-вторыхъ, раздробленной на множество маленькихъ войнъ. Наконецъ, ставъ на нашу точку зрѣнія, придется на столкновеніе желаній и убѣжденій смотрѣть, какъ на основаніе того, что экономисты называютъ конкуренціей между производителями и между потребителями, и тогда, обобщивъ эту борьбу, распространивъ ее и на всѣ другія формы общественной жизни, мы увидимъ, что *истинный элементъ соціального противоположенія* надо искать въ каждой отдѣльной общественной личности всякій разъ, когда она колеблется, принять ли ей или отвергнуть тотъ или другой, предлагаемый ей, новый образецъ построения рѣчи, постройки домовъ, образа мышленія, направленія въ искусствѣ или устройства личной жизни. Это колебаніе, эта внутренняя борьба, повторяющаяся милліоны разъ въ милліонахъ экземпляровъ, и есть элементарное, безконечно-малое и безконечно-плодотворное противоположеніе въ исторіи. Введеніе его произвело въ соціологіи спокойную, но глубокую революцію.

Въ то-же время, оставаясь на этой точкѣ зрѣнія, открыли много незамѣченныхъ раньше диссиметрій и несимметричностей, показавшихъ, что даже въ своей психологической формѣ соціальное противоположеніе имѣетъ только временное и условное значеніе. Я предложилъ, напримѣръ, и почти всѣ согласились со мной, раздѣлять различные разряды соціальныхъ фактовъ на *обратимые* и *необратимые*, при чемъ оказалось, что наибольшее значеніе имѣютъ эти послѣдніе, какъ, напримѣръ, рядъ научныхъ или техническихъ открытій. Было замѣчено также, что, благодаря присутствію этихъ безчисленныхъ психологическихъ противоположеній, составляющихъ жизнь каждаго соціального индивидуума, *сильнѣе* оттъняется его оригинальность и личный геній, которыхъ нельзя ничему противопоставить, и для которыхъ то, что называютъ геніемъ народа, геніемъ языка или геніемъ религіи, служитъ только болѣе краткимъ, коллективнымъ выраженіемъ. Было видно также, что игрою этихъ безконечно-малыхъ противоположеній, о которыхъ я только что говорилъ, поддерживается эстетическая сторона жизни, которую нельзя ничему противо-

поставить, ни съ чѣмъ сравнить. Но это только общій и очень неполный обзоръ предмета, который заслуживаетъ болѣе тщательнаго изученія, но до сихъ поръ почти не подвергался ему.

Прежде всего постараемся хорошо выяснитъ себѣ значеніе этого слова: противоположеніе. Въ одной изъ моихъ предыдущихъ работъ я предложилъ опредѣленіе и указалъ различія, которыя осмѣливаюсь повторить теперь, но уже съ той точки зрѣнія, на которой мы теперь стоимъ. Въ обыденной рѣчи противоположеніе совершенно напрасно употребляется въ смыслѣ наибольшей разницы. Въ дѣйствительности, оно представляетъ собой только совершенно особый родъ повторенія и обозначаетъ, что двѣ совершенно сходныя вещи способны уничтожить другъ друга, благодаря именно своему сходству, такъ что противоположности должны всегда быть въ двойственномъ числѣ, въ парѣ, и ихъ надо противопоставлять другъ другу не какъ различные предметы или группы, *suí generis* съ той или другой стороны, а также, и не какъ *состоянія* одного и того же предмета или существа, но какъ *тенденціи* и *силы*, такъ какъ, если противопоставляютъ другъ другу какія-нибудь формы или предметы, то всегда имѣютъ при этомъ въ виду предполагаемую или дѣйствительную противоположность образовавшихъ ихъ силъ. Отсюда мы уже видимъ необходимость уничтожить съ самаго начала на ряду съ ложными противопоставленіями и всѣ мнѳологическія и философскія антитезы въ исторіи, основанныя на мнимыхъ противоположностяхъ *природы* двухъ народовъ или племенъ, двухъ формъ правленія, какъ, на примѣръ, республики и монархіи, востока и запада, двухъ религій, какъ, на примѣръ, христіанства и ислама, или двухъ семействъ языковъ, какъ, на примѣръ, семитическихъ и индо-европейскихъ. Контрасты эти оказываются случайно и отчасти вѣрными, если смотрѣть на вещи съ той стороны, что иногда болѣе или менѣе временно онѣ отрицаютъ и утверждаютъ одну и ту-же мысль, стремятся и удаляются по отношенію къ одной и той-же цѣли, но они совершенно ложны, если считать эти проявленія антипатіи, какъ думали многіе древніе философы, безусловными и врожденными.

Такимъ образомъ, всякое истинное противоположеніе выражаетъ отношеніе между двумя силами, двумя тенденціями, двумя *направленіями*. Но явленія, въ которыхъ проявляются эти силы, могутъ быть двухъ родовъ: качественныя или количественныя, т. е. состоящія изъ разнородныхъ или однородныхъ фазъ. Рядъ разнородныхъ фазъ представляетъ собой эволюцію, которую такъ или иначе можно считать обратимой, т. е. способной идти назадъ въ прямо противоположномъ направленіи. Такъ, на примѣръ, если, получивъ спиртъ изъ куска дерева рядомъ химическихъ реакцій, невозможно, дѣйствуя въ обратномъ направленіи, снова получить дерево, то, во всякомъ случаѣ, можно вообразить себѣ подобную операцію. На этомъ основана фантазія древнихъ философовъ о видоизмѣненіяхъ человѣчества. Рядъ однородныхъ фазъ представляетъ ту особаго рода эволюцію, которая называется увеличеніемъ или уменьшеніемъ, ростомъ или сокращеніемъ, повышеніемъ или пониженіемъ. Не трудно замѣтить, какъ съ развитіемъ цивилизаціи и, соотвѣтствующимъ ему, развитіемъ социальныхъ наукъ все болѣе и болѣе обнаруживаются подобнаго рода противоположенія, точныя и измѣримыя, въ формѣ биржевыхъ кур-

совъ или статистическихъ діаграммъ, изображающихъ посредствомъ сѣти кривыхъ линій ростъ и пониженіе какой-нибудь цѣнности, увеличеніе и уменьшеніе какого-нибудь рода преступности, самоубійствъ, смертности, рожаемости, браковъ и даже чувства предусмотрительности, измѣряемаго при помощи отчетовъ сберегательныхъ кассъ и страховыхъ обществъ.

Кромѣ указанныхъ выше противоположностей по направленію (эволюція и контръ-эволюція) и противоположностей по степени (увеличенія и уменьшенія, надо обратить вниманіе на одну, еще болѣе важную, категорию противоположностей по *знаку* или, такъ называемыхъ, *діаметральныхъ* противоположностей. Хотя въ математикѣ эту послѣднюю категорию часто смѣшиваютъ съ предыдущими, употребляя *плюсъ* и *минусъ*, какъ для различія между *положительнымъ* и *отрицательнымъ*, такъ и для обозначенія увеличенія и уменьшенія, но, тѣмъ не менѣе, очевидно, что усиленіе и ослабленіе одной и той-же силы, не измѣняющей своего направленія, представляютъ собой противоположеніе совѣтъ иного рода, чѣмъ противоположеніе двухъ силъ, направленныхъ по одной и той же прямой, но одна отъ *A* къ *B*, а другая отъ *B* къ *A*. Такимъ же образомъ, нельзя смѣшивать противоположеніе между ростомъ доходовъ и ихъ уменьшеніемъ съ противоположеніемъ между доходомъ и равнымъ ему по величинѣ расходомъ, или разницу между большей или меньшей склонностью, наблюдаемой въ обществѣ, къ убійствамъ и преступленіямъ съ антитезой между этой склонностью и склонностью къ благотворительности и благодѣяніямъ. Чтобы дать сейчасъ-же психологическое объясненіе этихъ и многихъ другихъ соціальныхъ контрастовъ, замѣтимъ, что разница между усиленіемъ и ослабленіемъ нашей *положительной* вѣры въ какую-нибудь религіозную, политическую или научную идею совѣтъ не то, что разница между этой вѣрою въ идею и отрицаніемъ той-же идеи, и разница между увеличеніемъ и уменьшеніемъ нашего желанія чего-нибудь или нашей любви къ кому-нибудь совѣтъ не то, что переходъ отъ желанія къ отвращенію и отъ любви къ ненависти. Интересно обратить вниманіе на то, что эти субъективныя величины: желаніе и вѣра бываютъ съ двумя противоположными знаками: положительнымъ и отрицательнымъ, подобно объективнымъ величинамъ, какъ, напримѣръ, механическимъ силамъ, направленнымъ по одной прямой, но въ противоположныхъ направленіяхъ. Подобно тому, какъ пространство состоитъ изъ попарно противоположныхъ направленій, наше сознаніе состоитъ изъ безчисленнаго множества желаній и отвращеній, утвержденій и отрицаній относительно однихъ и тѣхъ-же предметовъ. Не будь этого, въ мірѣ не было-бы ни войнъ, ни разногласій, и трагизмъ судьбы былъ-бы непонятенъ и невозможенъ.

Сдѣлаемъ еще одно существенное замѣчаніе. Противоположенія, какого-бы рода они ни были, могутъ имѣть мѣсто или въ одномъ и томъ же существѣ: одной и той же клѣткѣ, одномъ и томъ же организмѣ, одномъ и томъ же сознаніи, или въ двухъ различныхъ существахъ: двухъ молекулахъ или массахъ, двухъ организамахъ, двухъ сознаніяхъ. Необходимо различать эти два случая въ виду другихъ, не менѣе существенныхъ раздѣленій, какъ, напримѣръ, состоящее въ томъ, чтобы не смѣшивать случая, когда дѣло идетъ о вещахъ, имѣющихъ мѣсто одновременно, съ случаемъ, когда онѣ слѣдуютъ одна за другой. Въ первомъ случаѣ про-

исходить столкновение, борьба или равновѣсіе, во второмъ — видоизмѣненіе или ритмъ. Въ первомъ случаѣ всегда ослабѣваетъ или теряется сила, во второмъ этого нѣтъ. Когда какія-бы то ни было противоположенія имѣютъ мѣсто между двумя различными существами, они могутъ быть, какъ одновременными, такъ и послѣдовательными, когда же они относятся къ одному и тому же существу, тѣлу или сознанію, они могутъ быть одновременными только тогда, если они состоятъ въ противоположности знаковъ, во всякомъ же другомъ случаѣ они должны быть послѣдовательными. Невозможно, напримѣръ, чтобы скорость тѣла, движущагося въ данномъ направленіи, увеличивалась и уменьшалась въ одно и то же время; но возможно, что на тѣло это дѣйствуютъ одновременно двѣ силы, направленныя въ противоположныя стороны, какъ бываетъ при состояніи равновѣсія. Такимъ же образомъ невозможно, чтобы любовь къ кому-нибудь въ одномъ и томъ же человѣкѣ одновременно усиливалась и ослабѣвала: это возможно только послѣдовательно, но случается, что онъ любитъ и въ то же время ненавидитъ одно и то же лицо, напримѣръ, какую-нибудь женщину, что нерѣдко можно встрѣтить при драматическихъ преступленіяхъ. Невозможно также, чтобы религіозная вѣра какого-нибудь человѣка росла и падала одновременно: это можетъ быть только послѣдовательно; но возможно, что онъ будетъ носить въ душѣ, чаще всего даже не подозрѣвая этого, одновременно рѣшительное утвержденіе и не менѣе рѣшительное отрицаніе нѣкоторыхъ догматовъ, — христіанскую вѣру и враждебныя ей свѣтскіе и политическіе предрасудки. Наконецъ, безъ сомнѣнія, невозможно, чтобы одна и та же молекула проходила одновременно черезъ прямо противоположныя химическія реакціи, или чтобы одинъ и тотъ же человѣкъ испытывалъ сразу два противоположныхъ ряда ощущеній, но нѣтъ ничего чаще, какъ видѣть, что въ системѣ астрономическихъ или другихъ тѣлъ, одно тѣло движется отъ афелія къ перигелію въ то время, какъ другое движется обратно отъ перигелія къ афелію, или, что одно тѣло ускоряетъ свое движеніе, тогда какъ другое замедляетъ; нерѣдко также можно видѣть въ обществѣ, какъ притязаніе на что-нибудь у одного растетъ въ то время, какъ ослабѣваетъ у другихъ, или какъ кто-нибудь, идя въ одномъ направленіи, получаетъ рядъ зрительныхъ ощущеній, обратный тому, который получаетъ другой, идущій въ противоположномъ направленіи.

Намъ понадобилось бы слишкомъ много времени, чтобы рассмотреть вышеупомянутыя противоположенія каждое въ отдѣльности, а потому мы постараемся ограничиться только нѣкоторыми общими замѣчаніями. Во-первыхъ, *внѣшнія противоположенія*, т. е. противоположенія стремленій между многими существами или людьми, могутъ имѣть мѣсто только тогда, когда есть уже или могутъ появиться *внутреннія противоположенія* между различными стремленіями одного и того же существа или человѣка. Это приложимо ко всѣмъ родамъ противоположеній, но особенно къ противоположеніямъ знака. Только потому, что каждый отдѣльный человѣкъ можетъ развиваться въ томъ или другомъ направленіи, часто случается, что одинъ народъ или общество развивается въ направленіи, прямо обратномъ тому, въ которомъ развивается другой народъ или другое общество: одинъ, напримѣръ, отъ натурализма въ искусствѣ къ идеализму, другой — обратно, отъ идеализма къ натурализму, одинъ — отъ аристокра-

тическаго правленія къ республикѣ, другой—отъ республики или демократическаго режима къ аристократіи, и т. д. Если есть народы и общественные классы, въ которыхъ религіозная вѣра растетъ въ то время, какъ она слабѣетъ въ другихъ, то только потому, что въ сознаніи каждаго отдѣльнаго человѣка сила вѣры можетъ увеличиваться или уменьшаться. Если, наконецъ, есть политическія партіи и религіозныя секты, требующія и утверждающія именно то, что отвергаютъ и отрицаютъ другія партіи и другія секты, то это только потому, что въ умѣ и сердцѣ каждаго отдѣльнаго человѣка можетъ таиться *да* и *нѣтъ*, за и противъ относительно одной и той же идеи, одного и того же плана. Этимъ я, конечно, не отождествляю *внѣшнюю борьбу съ внутренней борьбой*. Въ известномъ смыслѣ онѣ даже несомѣстимы. Въ самомъ дѣлѣ, только тогда, когда внутренняя борьба уже кончена, когда индивидуумъ, испытавъ на себѣ два противоположныхъ вліянія, уже сдѣлалъ окончательный выборъ и принялъ то или другое рѣшеніе или мнѣніе, когда, такимъ образомъ, онъ въ самомъ себѣ заключилъ миръ, только тогда становится возможной война между нимъ и другими индивидуумами, принявшими противоположное рѣшеніе. Но и этого еще недостаточно, чтобы вспыхнула война. Необходимо еще, чтобы этотъ индивидуумъ зналъ, что другіе сдѣлали выборъ, противоположный тому, который сдѣлалъ онъ. Безъ этого нельзя было-бы замѣтить внѣшняго противоположенія одновременныхъ или послѣдовательныхъ противоположностей, какъ если-бы его не существовало вовсе, и оно нисколько не носило-бы на себѣ характера внѣшней борьбы, безъ котораго оно не имѣетъ никакого значенія. Чтобы могла вспыхнуть война или борьба религіозныхъ партій, необходимо, чтобы каждый вѣрующій зналъ, что принадлежащіе къ другому вѣроисповѣданію отрицаютъ именно то, что утверждаетъ онъ, и чтобы отрицаніе это, не принятое имъ изъ подражанія, а, напротивъ того, окончательно отвергнутое, было поставлено въ его сознаніи, какъ контрастъ, рядомъ съ его собственнымъ утвержденіемъ и усиливало-бы такимъ образомъ интенсивность этого послѣдняго. Чтобы велась борьба между двумя общественными классами, необходимо, чтобы каждый членъ одного изъ нихъ зналъ стремленія другого и понималъ-бы, что они находятся въ противорѣчій съ его собственными стремленіями. Чтобы могла имѣть мѣсто конкуренція, какъ, напримѣръ, между двумя покупателями одного и того же дома, необходимо, чтобы каждый изъ нихъ зналъ, что другой противится осуществленію его желанія купить этотъ домъ, что еще болѣе усиливаетъ это желаніе. Безъ этого условія конкуренція сама по себѣ была-бы бесплодна и экономисты совершенно напрасно не дѣлаютъ различія между случаемъ, когда конкуренты сознаютъ свою конкуренцію, и случаемъ, когда этого нѣтъ, и не изучаютъ измѣненій силы этого сознанія, безчисленныхъ переходныхъ ступеней между нимъ и конкуренціей, вполне бессознательной.

Вотъ почему я былъ правъ, говоря, что элементъ социальнаго противоположенія надо искать, не какъ это можетъ показаться на первый взглядъ, въ отношеніи между собой двухъ индивидуумовъ, противорѣчащихъ другъ другу или борющихся одинъ съ другимъ, но въ логической и телеологической борьбѣ, въ столкновеніи тезъ и антитезъ, желаній и нежеланій, полемѣ дѣйствія для которыхъ является сознаніе общественнаго ин-

дивидуума. Могутъ, конечно, спросить меня: чѣмъ-же просто телеологическое противоположеніе отличается отъ противоположенія социальнаго? Отличается оно своею причиною и, особенно, своими послѣдствіями. Какойнибудь путникъ, напримѣръ, испытываетъ два ощущенія, повидимому противорѣчащія другъ другу, и колеблется между двумя чувственными сужденіями, изъ которыхъ одно говоритъ ему, что пятно, которое онъ видитъ вдали, есть озеро, другое-же наоборотъ, утверждаетъ противное, — вотъ, противоположеніе, происхожденіе котораго чисто психологическое, что, впрочемъ, случается очень рѣдко. Можно утверждать, не рискуя внасть въ ошибку, что всѣ сомнѣнія и колебанія, которыя испытываетъ какой-нибудь человѣкъ, живущій въ совершенномъ одиночествѣ и происходящій изъ какого-нибудь очень дикаго племени, обязаны своимъ происхожденіемъ или столкновенію въ его умѣ двухъ примѣровъ, которымъ онъ еще раньше рѣшилъ слѣдовать, или же столкновенію такого примѣра съ новымъ ощущеніемъ. Когда я пишу, я колеблюсь часто между выборомъ того или другого однозначущаго выраженія, изъ которыхъ каждое кажется болѣе подходящимъ, чѣмъ другое, къ даннымъ условіямъ. Это значитъ, что во мнѣ встрѣтились два раздражательныхъ луча, т. е. два ряда людей, которые, исходя отъ перваго изобрѣтателя одного выраженія и перваго изобрѣтателя другого, сошлись на мнѣ, такъ какъ я научился каждому изъ этихъ выраженій у какого-нибудь лица, которое научилось ему у другого, и такъ далѣе до перваго, кто произнесъ его. Это я называю *подразжательнымъ лучемъ*. Совокупность всѣхъ такихъ лучей, исходящихъ отъ одного какого-нибудь изобрѣтателя, иниціатора или новатора, примѣръ котораго получилъ распространеніе, я называю *подразжательнымъ лучеиспусканіемъ*. Соціальная жизнь слагается изъ перекрещиванія и сплетенія подобныхъ лучей, между которыми происходятъ безчисленныя интерференціи. Приведемъ еще нѣкоторые примѣры. Я сужу когонибудь и колеблюсь между мнѣніемъ, основаннымъ на приговорахъ, произнесенныхъ сообразно съ тѣмъ, какъ училъ какой-нибудь авторъ, Маркадэ или Демольбъ, и противоположнымъ мнѣніемъ, опирающимся на рядъ другихъ приговоровъ, сообразно съ какимъ-нибудь другимъ комментаторомъ, — при этомъ опять происходитъ интерференція двухъ раздражательныхъ лучей. Тоже самое происходитъ, когда я колеблюсь между выборомъ газа или электричества для освѣщенія своего дома. Но когда крестьянскій мальчикъ смотритъ на заходъ солнца и не знаетъ, вѣрить ли ему словамъ своего учителя, который увѣряетъ его, что это происходитъ вслѣдствіе вращенія земли, а не солнца, или собственнымъ глазамъ, которые ему говорятъ противное, въ этомъ случаѣ есть только одинъ раздражательный лучъ, связывающій его при посредствѣ его учителя съ Галилеемъ, однако и этого достаточно, чтобы его колебаніе, его внутреннее и индивидуальное противоположеніе было соціально по своей причинѣ.

Но главное различіе между просто-индивидуальнымъ противоположеніемъ и индивидуальнымъ противоположеніемъ, составляющимъ элементъ социальнаго противоположенія, лежитъ въ ихъ слѣдствіяхъ. Иногда колебанія индивидуума остаются замкнутыми въ немъ самомъ, не распространяются и не стремятся распространиться путемъ подражанія на его ближнихъ, — въ этомъ случаѣ явленіе остается чисто индивидуальнымъ. Но

чаще всего даже сомнѣніе бываетъ почти такъ-же заразительно, какъ и вѣра, и кто-нибудь, ставши скептикомъ, даже если-бы онъ находился въ средѣ самыхъ горячихъ фанатиковъ, не замедлитъ сдѣлаться центромъ скептицизма, распространившагося вокругъ него; и возможно ли отрицать послѣ этого социальный характеръ внутренней борьбы, происходящей во всякомъ индивидуумѣ каждой группы?

Но рассмотримъ вопросъ еще съ болѣе общей точки зрѣнія. Когда индивидуумъ начинаетъ сознавать противорѣчіе, существующее между однимъ изъ его понятій, намѣреній, привычекъ или идей—въ дѣлѣ вѣры, построения фразъ, выбора оружія, техническихъ приемовъ и т. д.—и понятіемъ, намѣреніемъ, привычкой или идеей другого человѣка или многихъ людей, тогда происходитъ одно изъ трехъ: или онъ вполне поддается влиянію другого и сразу отказывается отъ своего собственнаго способа мыслить и дѣйствовать,—въ этомъ случаѣ внутренней борьбы не происходитъ вовсе и побѣда дается безъ сраженія; или онъ только на половину испытывается на себѣ это влияніе:—этотъ случай мы разсматривали раньше, —и тогда послѣдствіемъ столкновения является уменьшеніе его собственной силы, болѣе или менѣе стѣсненной и парализованной; или же, наконецъ, онъ вступаетъ въ борьбу противъ чужихъ привычекъ и идей, противъ враждебныхъ ему убѣжденій и желаній и еще съ большей энергіей настаиваетъ на томъ, чего онъ хотѣлъ и что утверждалъ прежде.

Но, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, когда онъ напрягаетъ всю силу своего убѣжденія и своей страсти, чтобы не поддаться примѣру другого, въ немъ самомъ происходитъ внутренняя борьба, волненіе,—правда, не то, что было раньше, и настолько же укрѣпляющее, насколько прежнее было ослабляющимъ, которое, въ свою очередь, способно заражать собою другихъ и еще тѣмъ болѣе, что оно представляетъ собой не ослабленіе, а, напротивъ того, крайнее напряженіе индивидуальныхъ силъ. Въ этомъ кроется причина распадѣнія общества на отдѣльныя партіи. Всякая новая партія составляется изъ группы людей, принявшихъ, одинъ за другимъ и одинъ по примѣру другого, мысль или рѣшеніе, противоположныя тѣмъ, которыя царили до тѣхъ поръ въ ихъ средѣ, и сторонниками которыхъ были они сами. Съ другой стороны, это новое ученіе, дѣлаясь, по мѣрѣ своего распространенія, болѣе требовательнымъ и болѣе нетерпимымъ, вызываетъ противъ себя коалицію всѣхъ тѣхъ, кто, оставаясь вѣрнымъ традиціи, придерживается прямо-противоположныхъ взглядовъ, и такимъ образомъ происходитъ столкновеніе двухъ фанатизмовъ.

Итакъ, индивидуальное сопоставленіе противоположныхъ положеній, какъ мы видимъ, становится социальнымъ, только благодаря своему распространенію путемъ подражанія. Если бы дѣло обстоило иначе, мы не нашли-бы ничего социальнаго въ такихъ фактахъ, какъ, на примѣръ, соперничество двухъ языковъ: французскаго и нѣмецкаго, или французскаго и англійскаго на ихъ взаимныхъ границахъ, въ Бельгій, Швейцаріи и на Нормандскихъ островахъ, или соперничество двухъ, встрѣтившихся въ одномъ мѣстѣ, религій. Одинъ изъ этихъ языковъ или одна изъ этихъ религій беретъ верхъ надъ своимъ соперникомъ послѣ борьбы, происходящей не столько между отдѣльными индивидуумами, сколько между двумя, враждебными другъ другу, нарѣчійми или вѣрованіями въ душѣ и сознаніи каж-

даго. Это слияніе лингвистическихъ и религиозныхъ теченій представляетъ собой одно изъ наиболѣе интересныхъ социальныхъ явленій. Но хотя, какъ было показано выше, все исходитъ путемъ обобществленія отъ психологическихъ противоположеній, тѣмъ не менѣе необходимо не смѣшивать этихъ двухъ формъ, въ которыхъ противоположеніе является намъ: одну, при которой происходитъ въ одномъ и томъ-же индивидуумѣ борьба двухъ сопоставленныхъ положеній, и другую, при которой индивидуумъ выбираетъ окончательно одно изъ нихъ, хотя они оба продолжаютъ оставаться сопоставленными въ его сознаниі, и когда борьба, слѣдовательно, возможна только между нимъ и другими людьми. Могутъ спросить по этому поводу, и я самъ уже давно предлагалъ себѣ этотъ вопросъ: что хуже для общества, быть ли раздѣленному на партіи и секты, борющіяся другъ съ другомъ во имя противоположныхъ ученій и программъ, на народы, воюющіе между собой, или же состоять изъ индивидуумовъ, находящихся въ мирѣ другъ съ другомъ, но въ безпрестанной борьбѣ каждый съ самимъ собою отдаваясь въ жертву скептицизму, нерѣшительности и отчаянія? Слѣдуетъ ли предпочесть этотъ внѣшній миръ, скрывающій безпрестанную и глухую борьбу душъ, враждующихъ съ самими собой, или же самыя разрушительныя войны, не исключая даже религиозныхъ. Ну, а кровавые погромы революцій вредны ли они или скорѣе желательны? Если бы намъ предстоялъ выборъ только между этими двумя рѣшеніями, мы должны были бы общественный вопросъ признать почти неразрѣшимымъ. Но, повидимому, дѣло именно такъ обстоитъ. Люди прекращаютъ на время рѣзю на бранной полѣ, борьбу на почвѣ промышленной конкуренціи или политическихъ вождѣній только затѣмъ, чтобы отдать свою душу въ жертву тоскѣ, нерѣшимости, отчаянію и колебаніямъ между тѣмъ, чему учить священникъ, и тѣмъ, что говоритъ докторъ, между старыми максимами установленной морали и еще неформулированной моралью, отвѣчающей практическимъ запросамъ жизни. А съ другой стороны, когда люди разрѣшаютъ наконецъ свои внутреннія недоразумѣнія и колебанія между противоположными ученіями и законами, они сейчасъ же разбиваются на два лагеря, совершенно со сдѣланнымъ выборомъ, и затѣваютъ войну. Такая печальная дилемма,—выборъ между внѣшней войной и внутренней борьбой, является неисправимымъ мечтателямъ, къ которымъ принадлежу и я, разсуждающимъ о вѣчномъ мирѣ.

Къ счастью, дѣйствительность не такъ печальна и не такъ сильно заставляетъ отчаяваться. Наблюденіе показываетъ, что всякая борьба, какъ внѣшняя, такъ и внутренняя, всегда приводитъ къ рѣшительной побѣдѣ одной изъ сторонъ или къ мирному договору. Относительно внутренней борьбы, въ какомъ-бы видѣ она ни являлась: какъ сомнѣніе, нерѣшимельность, тоска или отчаяніе, это находится внѣ всякаго сомнѣнія: борьба здѣсь является всегда, какъ исключительный и временный кризисъ, и никто не станетъ смотрѣть на нее, какъ на нормальное состояніе, которое слѣдуетъ предпочесть спокойной и мирной работѣ при установившихся взглядахъ и твердой рѣшимости. Но развѣ относительно внѣшней борьбы, борьбы между различными людьми, дѣло обстоитъ иначе? Исторія, если ее разобрать, какъ слѣдуетъ, показываетъ, что война постоянно развивается въ извѣстномъ направленіи, судя по которому, прослѣдивъ его че-

резъ всѣ изгибы и сдѣтенія исторіи, не трудно предсказать, что война будетъ повторяться все рѣже и рѣже и, наконецъ, исчезнетъ совсѣмъ.

И, дѣйствительно, благодаря подражательности, постоянно расширяющейся соціальное поле, явленія общественной жизни, а въ томъ числѣ и война, охватываютъ все большее и большее пространство. Отъ безконечнаго множества мелкихъ, но очень обостренныхъ войнъ между небольшими кланами, былъ сдѣланъ переходъ къ гораздо меньшему числу большихъ, но менѣе ожесточенныхъ войнъ между небольшими городами, затѣмъ между цѣлыми областями, затѣмъ между отдѣльными народностями, и, наконецъ, пришли къ эпохѣ очень рѣдкихъ, грандіозныхъ, но лишенныхъ прежней жестокости, столкновеній между національными колоссами, которыхъ сама ихъ величина дѣлаетъ миролюбивыми.

Здѣсь я позволю себѣ остановиться, чтобы замѣтить, что этимъ переходомъ отъ меньшаго къ большому, отъ очень многочисленнаго къ очень рѣдкому, эволюція войны и, вообще, всякаго соціальнаго явленія противорѣчитъ, повидимому, изложенной мною выше, эволюціи наукъ. Но, въ дѣйствительности, она только подтверждаетъ ее. Именно потому, что въ мірѣ фактовъ все идетъ отъ меньшаго къ большому, въ мірѣ людей, являющемся зеркаломъ для перваго, все идетъ, наоборотъ, отъ большаго къ меньшему, чтобы путемъ усовершенствованія анализа придти въ концѣ концовъ къ элементарнымъ, дѣйствительно объясняющимъ фактамъ.

Возвратимся къ прежнему. Съ каждой новой стадіей своего развитія и своего расширенія, которая дѣлаютъ ее болѣе спокойной, война, въ общемъ, уменьшается и, во всякомъ случаѣ, приближается къ своему окончательному исчезновенію. Всякое увеличеніе государствъ, племенъ, городовъ, королевствъ, имперій или соединенныхъ союзовъ влечетъ за собой прекращеніе войнъ въ извѣстной, все болѣе и болѣе расширяющейся области. До сихъ поръ на землѣ всегда были мѣстности, очень часто довольно небольшія, какъ, напримѣръ, какая-нибудь долина, заключенная между двумя цѣпами горъ, большой островъ, болѣе или менѣе отдѣльная часть континента или побережье внутренняго моря, на которыхъ долго смотрѣли, какъ на своего рода особый мірокъ, и, когда рядомъ завоеваній удавалось воцарить въ немъ миръ, подчинивъ всѣ отдѣльныя мѣстности его одной общей власти, то казалось, что этимъ сдѣланъ шагъ впередъ, приближающій насъ къ нашей конечной, всегда преслѣдуемой цѣли — всеобщему миру на землѣ. Подобные моменты временнаго успокоенія случались и въ царствѣ фараоновъ, и въ Китайской Имперіи, и въ Перу, и на островахъ Товарищества, и въ Римской Имперіи, но къ несчастію, едва успѣвалъ мелькнуть впереди желанный конецъ, какъ оказывалось, что земля гораздо обширнѣе, чѣмъ это думали раньше, завязывались новыя взаимныя отношенія, переходившія скоро во враждебныя, съ сильными сосѣдями, существованія которыхъ раньше даже не подозрѣвали, которыхъ надо было снова покорять, или покориться имъ, чтобы окончательно водворить миръ на землѣ. Продолженіе войнъ служить, въ общемъ, постепенному расширенію области мира. Но расширеніе это не можетъ продолжаться безконечно, желанный призракъ не можетъ вѣчно оставаться недосягаемымъ, такъ какъ земной шаръ имѣетъ свои предѣлы, которые намъ уже давно извѣстны. Нашу эпоху особенно характеризуетъ и, въ извѣстномъ смыслѣ, рѣзко отличаетъ

ее отъ прошлыхъ временъ, хотя законы исторіи одинаково прилагаются къ ней, какъ къ предшествующимъ временамъ то обстоятельство, что теперь впервые международная политика большихъ цивилизованныхъ государствъ стала заниматься не только, какъ это было прежде, одною или двумя частями свѣта, но всей поверхностью земного шара, и такимъ образомъ начала выясняться, наконецъ, конечная цѣль эволюціи, перспектива столь блестящая, что о ней прежде не осмѣливались даже думать,—цѣль, безспорно, трудно достижимая, но вполне возможная, нисколько не обманчивая, и отъ которой, если къ ней уже начали приближаться, невозможно потомъ отступать назадъ. Насадивъ миръ въ предѣлахъ одной какой-нибудь рѣки, каковы, напримѣръ, Нилъ или Амуръ, или на побережьѣ маленькаго моря,—цивилизация была сначала, какъ показалъ Левъ Мечниковъ, рѣчной, потомъ средиземной; она становится теперь океанической, т. е. «мировой», и, такъ какъ для нея эпоха кризисовъ, связанныхъ съ роствомъ, уже прошла, можетъ начаться теперь ея великій расцвѣтъ. Впрочемъ, и помимо теорій Мечникова, все это объясняется превосходно распространеніемъ волны подражанія.

Несомнѣнно, что, даже когда войны прекратятся, борьба между людьми будетъ еще продолжаться. Останутся другія формы ея, какъ, напримѣръ, конкуренція. Но къ конкуренціи, какъ соціальному противоположенію, уже не политическаго, а экономическаго характера, можно приложить все, что было сказано выше. Подобно войнѣ, конкуренція переходитъ отъ меньшаго къ большему, отъ очень многочисленнаго къ очень малочисленному. Съ самаго начала она являлась въ видѣ трехъ родовъ: конкуренціи между производителями одного и того же продукта, конкуренціи между потребителями и конкуренціи между производителемъ и потребителемъ, продавцомъ и покупателемъ одного и того же товара, такъ какъ, если-бы дѣло шло относительно различныхъ товаровъ, не было-бы никакого противоположенія желаній и даже, наоборотъ, было-бы скорѣй взаимоприспособленіе, если-бы товары годились для обмѣна. Но прежде всего, касаясь здѣсь вопроса весьма щекотливаго, который возможно разсматривать теперь только съ одной специальной точки зрѣнія, отбросимъ всякое предвзятое мнѣніе и, сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній, истина которыхъ внѣ всякаго сомнѣнія. Слово *конкуренція* нѣсколько двусмысленно и означаетъ то *борьбу*, то *соревнованіе*, то оба вмѣстѣ. Вотъ почему не прекращается споръ между тѣми, кто по справедливости осуждаетъ ее, видя въ ней только ея отрицательную сторону, и тѣми, кто не менѣе справедливо хвалитъ ее за вызванныя ею изобрѣтенія и нововведенія, видя въ ней только ея положительную сторону,—сторону приспособленія. Здѣсь мы будемъ разсматривать ее только съ ея отрицательной стороны,—противоположеній. Интересамъ отдѣльныхъ потребителей или производителей одного и того же продукта, ни интересамъ однихъ, встрѣтившимся съ интересами другихъ, нисколько не свойственно побивать другъ друга или вступать въ борьбу между собой. Производитель и потребитель всегда согласны между собою въ томъ смыслѣ, что одинъ хочетъ продать то, что другой хочетъ купить, и, если не всегда по одной и той же цѣнѣ, то, во всякомъ случаѣ, есть одна цѣна, на которой они сойдутся, и которая положитъ конецъ ихъ спорамъ. Интересы производителей тоже не противорѣчатъ другъ другу, пока каждый изъ нихъ имѣетъ определенное число,

которое нельзя ежеминутно увеличивать, своихъ кліентовъ и своихъ то-варовъ. Они начинаютъ становиться во враждебныя отношенія одинъ къ другому только по мѣрѣ того, какъ, съ расширеніемъ средствъ производ-ства, каждый изъ нихъ стремится производить больше прежняго и пере-тянуть на свою сторону доходы другого. Несомнѣнно, что, такъ какъ ци-вилізація влечетъ за собой безпрестанное увеличеніе производительныхъ силъ, борьба эта между производителями неизбежна и должна дѣлаться все болѣе и болѣе острой. Что же касается интересовъ потребителей, то они чаще всего только помогаютъ другъ другу, особенно тогда, когда спросъ не превышаетъ слишкомъ сильно предложенія, такъ какъ, чѣмъ болѣе распространенъ продуктъ, тѣмъ дешевле могутъ продавать его. Ин-тересы потребителей сталкиваются въ дѣйствительности только въ тѣхъ случаяхъ, когда есть меньше экземпляровъ требуемой вещи, чѣмъ число сиросовъ на нее, и когда число этихъ экземпляровъ нельзя увеличивать такъ-же быстро, какъ, благодаря модѣ, увеличивается число желаній при-обрѣсти эту вещь.

Послѣ всего вышесказаннаго вернемся къ нашему положенію и по-кажемъ, что каждый изъ отмѣченныхъ здѣсь трехъ родовъ конкуренціи подходитъ подъ указанный выше законъ. На первобытныхъ маленькихъ рынкахъ торги между продавцомъ и покупателемъ повторялись безпрестанно и безконечное число разъ; мало-по малу они начали прекращаться и за-мѣняться тѣми крупными торгами, которые происходятъ въ городскихъ думахъ при установленіи таксы на хлѣбъ, мясо или другіе продукты; эти послѣдніе, въ свою очередь, уступаютъ мѣсто еще болѣе крупнымъ тор-гамъ въ палатѣ депутатовъ или совѣтѣ министровъ при выработкѣ зако-новъ, имѣющихъ цѣлью служить посредствомъ увеличенія или уменьшенія нѣкоторыхъ пошлинъ интересамъ мѣстныхъ производителей или потреби-телей. Кооперативныя общества, въ которыхъ потребитель является въ то же время и продавцомъ, были вызваны потребностью прекратить указан-ный родъ конкуренціи, и теперь они развиваются подобно тому, какъ развивалась она. Между покупателями конкуренція также все болѣе и болѣе расширяется: на первобытныхъ маленькихъ рынкахъ число желающихъ купить какой-нибудь мѣшокъ зерна или голову скота было очень ограничено ¹⁾. Эти торги въ небольшихъ размѣрахъ, но въ ограниченномъ количествѣ, приводившіе или къ взаимному согласію между покупателями, или чаще всего къ образованію небольшихъ мѣстныхъ обществъ приобрѣ-тенія, когда рынки стали дѣлаться все обширнѣе и рѣже, уступили мѣсто торгамъ все въ болѣе и болѣе широкихъ размѣрахъ, которые, въ свою очередь, также приводятъ то къ крупнымъ союзамъ, каковы, напримѣръ, син-дикаты хлѣбопромышленниковъ, то къ болѣе обширнымъ обществамъ при-обрѣтенія, какъ, напримѣръ, извѣстные гигантскіе трэсты и картели.

Теперь перейдемъ къ конкуренціи, наиболѣе изученной и, въ дѣй-

¹⁾ Теперь въ самой маленькой деревушкѣ Крыма или Америки нѣтъ мѣшка хлѣба, на который не было-бы массы конкурентовъ не только, какъ прежде, изъ сосѣдей, но изъ торговцевъ почти всѣхъ національностей. Такимъ-же образомъ, нѣтъ теперь въ самомъ глухомъ старинномъ замкѣ рѣдкости, на которую не нашлось-бы массы покупателей, не только среди сосѣдей или со-отечественниковъ, но изъ американскихъ и другихъ богачей.

ствительности, наиболее интенсивной, такъ какъ наиболее сознательной, — конкуренція между производителями. Въ началѣ она состояла въ соперничествѣ между безчисленными мелкими торговцами, оспаривавшими одинъ у другого небольшіе рынки, стоявшіе по сосѣдству другъ съ другомъ или даже на одномъ и томъ же мѣстѣ; но по мѣрѣ того, какъ эти послѣдніе, прорвавъ раздѣлявшіе ихъ барьеры, свиваются въ болѣе обширные и менѣе многочисленныя рынки, маленькія сосѣднія лавки сливаются также то добровольно, то силою въ небольшое число большихъ магазиновъ и фабрикъ, организующихъ производительный трудъ, который нѣкогда тоже соперничалъ самъ съ собою. Соперничество этихъ фабрикъ, въ свою очередь, при постепенномъ увеличеніи рынковъ, стремящихся слиться въ одинъ, приведетъ къ образованію нѣсколькихъ промышленныхъ и торговыхъ гигантовъ, и т. д. вплоть до водворенія полного согласія.

Въ общемъ конкуренція распространяется расширяющимися концентрическими кругами въ силу такого же расширенія ассоціацій или монополій, которая также представляетъ собой одно изъ рѣшеній вопроса войны. Но первый изъ этихъ вопросовъ гораздо лучше разрѣшается путемъ ассоціаціи индивидуумовъ, какъ второй союзной конфедераціей народностей. Кромѣ того, сама монополія при расширеніи смягчается, и, если-бы въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производства она сдѣлалась всемірной, чего по совершенно ошибочному какъ я думаю, мнѣнію Леруа-Болье ¹⁾ никогда нельзя будетъ достигнуть, то весьма возможно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ она была-бы болѣе опасной, чѣмъ состояніе ожесточенной конкуренціи, мѣсто которой она заняла-бы.

Конкуренція приводитъ къ монополизаци, по крайней мѣрѣ частичной и относительной, или къ ассоціаціи конкурентовъ, какъ война приводитъ къ пораженію побѣжденнаго или къ заключенію выгоднаго перемирія съ нимъ, что въ обоихъ случаяхъ равняется водворенію мира, также, по крайней мѣрѣ, частичнаго и относительнаго. Такую роль сыгралъ ростъ государствъ завоевателей. Современные крупныя государства, занявъ мѣсто средневѣковыхъ удѣловъ, воцарили на землѣ миръ, правда, очень неполный и пока еще очень непродолжительный, но протяженіе и продолжительность котораго все-таки увеличиваются не меньше, чѣмъ грандіозныя вооруженія современныхъ армій. Отрицать тотъ фактъ, что конкуренція приводитъ

---

¹⁾ Монополія почти всегда бываетъ только частной и относительной. Леруа-Болье, безъ сомнѣнія правъ, говоря, что конкуренція никогда не приводитъ къ абсолютной и полной монополіи, что на первый взглядъ вполнѣ подтверждается приведенными имъ примѣрами большихъ магазиновъ, какъ Bon-Marché, которые, вытѣснивъ конкуренцію мелкихъ лавокъ, столкнули... съ другими большими магазинами, какъ Louvre, Samaritaine и др. Но въ дѣйствительности *изъвѣстныхъ районовъ* и *изъ извѣстной мѣрѣ* каждый изъ этихъ кодовъ торговля монополизировала себѣ область, которую иначе оспаривали другъ у друга тысячи мелкихъ магазиновъ, и имѣетъ своихъ специальныхъ клиентовъ, которые по особымъ соображеніямъ или изъ моды обращаются исключительно къ нему. Чаще всего это случается, благодаря мнѣнію, что какойнибудь опредѣленный товаръ въ немъ лучше, чѣмъ въ другихъ. Въ дѣйствительности, эта, такъ называемая конкуренція большихъ магазиновъ, не говоря уже о легкихъ и частыхъ соглашенияхъ между ними, имѣетъ тенденцію превратиться въ простое раздѣленіе труда или, вѣрнѣе, въ раздѣленіе частныхъ монополій, которыя они распредѣлили и мало-по-малу продолжаютъ распредѣлять между собой.

къ монополіи или къ ассоціаціи, думая такимъ образомъ защитить ее отъ ея противниковъ, значило-бы, наоборотъ, отвергать единственное оправданіе, какое только можно привести въ ея пользу, — все равно, какъ думая защитить милитаризмъ отъ направленныхъ противъ него обвиненій, стараться доказать, что война съ одержаніемъ побѣды не приводитъ къ водворенію мира. Правда, война допускаетъ миръ только затѣмъ, чтобы возобновиться еще въ болѣе высокой степени, какъ и конкуренція прекращается въ ассоціаціяхъ только затѣмъ, чтобы возобновиться въ формѣ соперничества между этими ассоціаціями, корпораціями и синдикатами, и такъ далѣе, но, въ концѣ концовъ, такимъ образомъ придуть къ гигантскимъ ассоціаціямъ, которыя, при невозможности расти дальше, будутъ принуждены слиться совершенно и окончательно.

Есть еще третья форма социальной борьбы: *споръ*. Она входитъ, правда и въ обѣ предыдущія, но, если война и конкуренція и представляютъ собою споры, то, во всякомъ случаѣ, первая — споръ съ помощью смертоносныхъ орудій, и вторая — съ помощью разорительныхъ подкоховъ. Теперь же мы намѣрены коснуться спора исключительно на словахъ. Онъ, подобно вышеописаннымъ видамъ борьбы, когда развивается, — такъ какъ бывають частные споры, которые, къ счастью, прекращаются на мѣстѣ и не идутъ дальше, — то развивается именно по изложеннымъ законамъ, хотя явленіе это менѣе замѣтно. Только когда уже оконченъ споръ, происходящій въ умѣ между двумя противоположными идеями, становится возможнымъ словесный споръ между людьми, пришедшими къ различнымъ заключеніямъ. Такимъ-же образомъ, словесный, письменный или печатный споръ между все болѣе и болѣе обширными группами людей можетъ начаться только тогда, когда въ каждой изъ нихъ онъ уже закончился временнымъ и относительнымъ соглашеніемъ и своего рода единомысліемъ, и тогда, раздробленный сначала среди множества маленькихъ партій, клановъ, церквей, собраній и школъ, спорящихъ другъ съ другомъ, онъ сосредотачивается, наконецъ, послѣ продолжительной полемики, въ очень небольшомъ числѣ крупныхъ партій, религіи, парламентскихъ группъ и крупныхъ философскихъ и артистическихъ школъ, между которыми происходятъ только рѣшительныя битвы. Такимъ путемъ на западѣ мало-помалу распространился католицизмъ. Въ теченіе двухъ или трехъ первыхъ вѣковъ существованія католической церкви происходили безчисленные споры, иногда даже кровавые, между приходами каждой мѣстной церкви, которые, въ концѣ концовъ, мирились на какомъ-нибудь собственномъ символѣ вѣры, а этотъ, въ свою очередь, расходясь въ нѣкоторыхъ пунктахъ съ символами сосѣднихъ церквей, вызывалъ новые споры и новыя соглашенія цѣлыхъ провинцій, прекращавшихъ, наконецъ, свои споры на лонѣ національныхъ церквей, борющихся съ церквями сосѣднихъ народовъ, и такъ далѣе. Политическое единство старой Франціи во время монархіи образовалось такимъ-же путемъ, и имъ-же намѣрено идти, повидимому, политическое объединеніе, въ демократическомъ смыслѣ, новой республики. Не иначе установилось и то, что я охотно назвалъ-бы лингвистическимъ единомысліемъ, т. е. единство народнаго языка, какъ результатъ борьбы, между діалектами, нарѣчьями и провинціализмами, не поддающимися правиламъ литературнаго языка. Подобнымъ-же образомъ установилось уже

съ давнихъ поръ и юридическое единство, смѣнивъ безчисленные мѣстные обычаи и мѣстные порядки, уступившіе мѣсто обычаямъ, распространеннымъ по всей странѣ и замѣненные, наконецъ, однимъ общимъ законодательствомъ. То-же самое можно сказать и относительно согласія въ наукѣ, къ которому мало-по-малу пришли ученые и ихъ школы послѣ ряда утихнувшихъ споровъ.

Особенное вниманіе приходится обратить на одинъ спеціальнѣйшій видъ спора: судебные процессы. Какъ ни странно это на первый взглядъ, но процессы также расширяются и вмѣстѣ съ ростомъ все болѣе и болѣе смягчаются. Во-первыхъ, извѣстно, что у примитивныхъ народовъ тяжба не отличалась отъ частныхъ войнъ и за отсутствіемъ судебной инстанціи рѣшалась по большей части дракою между тяжущимися сторонами. Процессы были своего рода поединками и войнами въ зачаточномъ состояніи, и обратно, войны были и остаются еще процессами между націями, достигнувъ своего естественнаго развитія, благодаря отсутствію общенациональной судебной власти. Такимъ образомъ, если сравнить тяжбы въ современныхъ судахъ съ тяжбами въ среднѣ вѣка, когда тяжущіяся стороны являлись вооруженными бойцами, и съ тяжбами германцевъ, то можно будетъ убѣдиться, что воинственный задоръ въ нихъ не переставалъ охлаждаться, и я прибавлю, что охлаждался онъ благодаря ихъ расширенію. Въ самомъ дѣлѣ, можно сказать, что правовые вопросы стали болѣе широкими по мѣрѣ того, какъ мѣстные обычаи уступили мѣсто обычаямъ цѣлыхъ областей и впоследствии государственнымъ законодательствамъ: на каждой новой ступени юридическаго объединенія всякая форма процесса, т. е. всякое затрудненіе съ точки зрѣнія юриспруденціи, дающее возможность имѣть диаметрально противоположныя мнѣнія, принимаетъ все болѣе и болѣе общій характеръ. Но, вѣдь, только путемъ такого обобщенія всякій видъ судебного препирательства можетъ достигнуть своего конечнаго предѣла, которымъ является приговоръ высшей судебной инстанціи, уничтожающей мало-по-малу самый источникъ подобнаго рода процессовъ, какъ мы это видимъ еще въ XVIII столѣтіи.

Быть можетъ, однако, мнѣ сдѣлаютъ возраженіе, что съ развитіемъ цивилизаціи народъ все болѣе и болѣе становится охотникомъ до споровъ, а публичные споры, полемика въ печати и пренія въ парламентѣ не только не устраняютъ частныхъ пререканій, но даже даютъ имъ еще новую и обильную пищу. Возраженіе это не трудно опровергнуть. Дикари и варвары спорятъ мало—и это къ счастью, такъ какъ большинство ихъ споровъ переходитъ въ ссоры и драки—только потому, что они почти не мыслятъ и не разговариваютъ. Надо поражаться, какъ при такомъ безконечно маломъ количествѣ ихъ понятій они находятъ такъ часто поводъ къ столкновеніямъ, и по истинѣ изумительно видѣтъ такую сильную склонность къ сужающемуся въ людяхъ, у которыхъ такъ мало различныхъ интересовъ. Напротивъ того, чему слѣдовало-бы радоваться, и на что почти не обращаютъ вниманія, такъ это то, что въ нашихъ цивилизованныхъ городахъ, несмотря на обиліе идей, приобретаемыхъ нами изъ книгъ и разговоровъ, ведется, въ общемъ, такъ мало споровъ, и споры такъ мало оживлены. Легко придти въ изумленіе и восторгъ при видѣ того, какъ люди такъ много думаютъ и говорятъ и такъ мало противо-

рѣчать другъ другу, такъ много ведутъ дѣль и такъ мало судятся между собою, подобно тому, какъ на нашихъ улицахъ, столь оживленныхъ и многолюдныхъ, такъ мало, сравнительно, случается несчастій отъ экипажей, или, какъ при современномъ усложненіи международныхъ отношеній, такъ рѣдко вспыхиваютъ войны. Что-же приводитъ насъ къ соглашенію относительно столь многихъ пунктовъ?—Это три великія вещи, выработанныя вѣковыми спорами: религія, юриспруденція и наука. Замѣтимъ также, что въ цивилизованныхъ странахъ гораздо болѣе важную роль играютъ публичные споры, чѣмъ частные, которые даже менѣе интересны и менѣе оживлены, а въ дикихъ странахъ какъ разъ наоборотъ. Пренія въ нашихъ парламентахъ становятся все болѣе и болѣе горячими, тогда какъ частные споры въ ресторанахъ дѣлаются все болѣе и болѣе спокойными.

Такимъ образомъ, противоположеніе, какъ борьба, въ его трехъ главнѣйшихъ формахъ: войны, конкуренціи и спора, въ нашихъ обществахъ, является намъ, какъ подчиняющееся тому же самому закону развитія постепенно возрастающаго успокоенія, чередующагося съ возобновленіемъ разногласій въ болѣе широкомъ и централизованномъ видѣ, вплоть до окончательнаго, хотя бы и относительнаго, соглашенія. Отсюда можно заключить,—и мы имѣли много основаній предвидѣть это,—что противоположеніе въ мірѣ социальномъ, какъ и въ мірѣ животномъ и неорганическомъ, играетъ только роль переходной ступени, которой суждено постепенно исчезать и уничтожаться, благодаря своему собственному росту, являющемуся такимъ образомъ стремленіемъ къ своему собственному разрушенію. Теперь можно опять, но съ болѣею ясностью и болѣе подробно, выяснитъ истинное взаимное отношеніе тѣхъ трехъ сторонъ научно-міровой жизни, которыя я назвалъ повтореніемъ, противопоставленіемъ и приспособленіемъ явленій. Двѣ послѣднія проистекаютъ изъ первой, и вторая служитъ обыкновенно, хотя не всегда, серединой между первой и третьей. Физическія силы интерферируются или же, слагаясь вмѣстѣ, приспособляются одна къ другой, именно потому, что онѣ распространяются или стремятся распространиться въ геометрической прогрессіи путемъ волнообразнаго повторенія, и ихъ взаимно-ослабляющія интерференціи служатъ, повидимому, только подготовленіемъ къ ихъ взаимно-усиливающимъ интерференціямъ, т. е. къ ихъ комбинаціямъ и соединеніямъ. Именно потому, что живыя существа стремятся распространяться въ геометрической прогрессіи путемъ наследственнаго повторенія своихъ индивидуальныхъ экземпляровъ, они встрѣчаются и интерферируютъ то въ плодотворныхъ и удачныхъ скрещиваніяхъ, то въ борьбѣ за существованіе, такъ хорошо изученной дарвинистами, усмотрѣвшими жизненную интерференцію только съ ея смертоносной стороны, въ которой ни видѣли, очевидно преувеличивая, единственный и главный путь къ созданію новыхъ видовъ, т. е. новому болѣе совершенному приспособленію старыхъ. Такимъ же точно образомъ, потому, что какіе бы то ни было социальные факты: догматъ, выраженіе, научный законъ, трактатъ, молитва, техническій приемъ и т. д., стремятся распространиться въ геометрической прогрессіи путемъ подражательнаго повторенія; они тоже удачно или неудачно интерферируютъ между собою, т. е. или встрѣчаются своими противоположными сторонами, вызывая такимъ образомъ

логическіе и телеологическіе поединки въ одномъ и томъ же умѣ, служащіе первымъ зародышемъ социальныхъ противоположеній: войнъ, конкуренціи, полемики и т. д., или же встрѣчаются въ умѣ генія или даже обыкновеннаго человѣка своими соотвѣтственными сторонами, служа источникомъ правильныхъ логическихъ сочетаній, плодотворныхъ изобрѣтеній и начинаній, источникомъ всякаго социального приспособленія.

Это—три члена круговаго ряда, способнаго возвращаться безъ конца. Вслѣдствіе повторенія путемъ подражанія элементъ социального приспособленія,—изобрѣтеніе, распространяется и утверждается, или, при встрѣчѣ одного изъ его раздражательныхъ лучей съ лучемъ, исходящимъ отъ каковаго-нибудь другого, стараго или новаго изобрѣтенія, вызываетъ то новую борьбу, то, непосредственно, или путемъ этой борьбы, новыя, болѣе сложныя изобрѣтенія, сейчасъ же начинающія тоже испускать раздражательные лучи, и такъ далѣе до безконечности. Замѣтимъ также, что логическая борьба, какъ и логическое сочетаніе,—элементъ социального приспособленія, требуетъ для своего обобщенія и роста раздражательнаго повторенія, но только съ тою разницею, что раздражательное распространеніе внутренняго разногласія между двумя идеями или внѣшняго между двумя людьми, изъ которыхъ одинъ принялъ одну изъ этихъ идей, другой другую, должно неизбежно истощить и привести къ концу это разногласіе, спустя нѣкоторое время. Вѣдь всякая битва истощаетъ силы и кончается побѣдой, тогда какъ раздражательное распространеніе гармоніи, въ одно и то же время внутренней и внѣшней, открывая новую истину, производитъ синтезъ нашихъ прежнихъ познаній, устанавливаетъ общеніе между нашимъ умомъ и всѣми другими, познавшими эту истину, и, не имѣя никакого основанія остановиться, усиливается, подвигаясь впередъ. Такимъ образомъ, изъ трехъ этихъ членовъ, сравниваемыхъ между собой, первый и третій значительно превосходятъ второй въ высотѣ, глубинѣ, важности и, быть можетъ, продолжительности. Единственная польза второго, т. е. противоположенія, состоитъ въ томъ, что оно вызываетъ напряженіе враждебныхъ силъ, способное возбудить къ дѣятельности геній изобрѣтателя, который создастъ новое военное изобрѣтеніе; а оно, давъ перевѣсъ одному лагерю, положить моментально конецъ войнѣ; техническое изобрѣтеніе, будучи принято и монополизировано однимъ изъ соперничающихъ промышленниковъ, обезпечить ему побѣду и положить конецъ конкуренціи, философское, научное, юридическое, эстетическое или какое нибудь другое изобрѣтеніе, прекратить сразу безчисленные споры, хотя бы только для того, чтобы впослѣдствіи возбудить новыя. Вотъ единственная польза, единственный смыслъ противоположенія, но очень часто оно теряетъ и это, такъ какъ изобрѣтеніе не является на его призвъ; очень часто война только губитъ генія вмѣсто того, чтобы возбудить его къ дѣятельности, и много талантовъ погублено полемикой въ печати, преніями въ парламентѣ, и вообще всякимъ тщеславнымъ состязаніемъ, даже на конгрессахъ. Все, что можно сказать, и что только подтверждаетъ вышесказанное, это-то, что историческій порядокъ, въ которомъ каждая изъ этихъ трехъ формъ являлась господствующею, вполне соотвѣтствуетъ ихъ способности вызывать изобрѣтенія: отъ эпохи, въ ко-

торой господствовала война, былъ сдѣланъ переходъ къ періоду конкуренціи и, наконецъ, къ періоду споровъ и разсужденій. Кромѣ того, въ прогрессивномъ обществѣ обмѣнъ развивается быстрѣе конкуренціи, разговоры—быстрѣе споровъ, и интернаціонализмъ—быстрѣе, чѣмъ милитаризмъ.

Пока мы говорили только о противоположеніяхъ въ формѣ борьбы, происходящей между столкнувшимися одновременными противоположностями. Что же касается противоположеній въ формѣ ритма, состоящихъ въ послѣдовательныхъ фазахъ, противоположныхъ по качеству или количеству, какъ напримѣръ, повышение и пониженіе, приливъ и отливъ, то на первый взглядъ кажется, что онѣ менѣе загадочны, чѣмъ предыдущія, не представляя ни взаимнаго ослабленія, ни разрушенія силъ, но, если всмотрѣться внимательно, то окажется, что это движеніе взадъ и впередъ силъ, дѣйствующихъ попеременно то за, то противъ, то положительно, то отрицательно, еще труднѣе понять, чѣмъ столкновеіе двухъ противоположныхъ и приходящихъ въ равновѣсіе силъ, такъ какъ эти разрушительныя интерференціи имѣютъ, по крайней мѣрѣ, случайный характеръ чего-то неожиданнаго и произвольнаго. Мы знаемъ, что они почти нераздѣльны съ творческими интерференціями и сопутствуютъ имъ, какъ тѣнь не говоря уже о томъ, что наше внутреннее равновѣсіе и взаимная нейтрализація въ насъ противоположныхъ стремленій и противорѣчивыхъ впечатлѣній, получаемыхъ извнѣ, даетъ возможность проявляться нашей природной оригинальности, и въ этомъ, быть можетъ, одно изъ лучшихъ оправданій борьбы вообще. Ритмъ же, повидимому, есть естественная и добровольная, если такъ можно выразиться, игра силъ, и я признаюсь, что, если бы было какое-нибудь серьезное основаніе полагать, что это движеніе взадъ и впередъ, это бессмысленное колебаніе, имѣетъ мѣсто въ большихъ размѣрахъ, т. е., что распаденіе происходитъ въ направленіи, прямо-противоположномъ эволюціи, регрессъ—въ направленіи, прямо-противоположномъ прогрессу, и все безконечно возобновляется безъ всякаго объединенія всей совокупности, я дошелъ бы до разочарованія, подобно Шопенгауэру, но, къ счастью, дѣло обстоитъ совершенно иначе, и повсюду точный и правильный ритмъ, единственный заслуживающій этого названія, является только въ отдѣльныхъ частяхъ явленій, какъ одно изъ условій ихъ правильнаго повторенія и основаннаго на немъ измѣненія. Движеніе звѣзды повторяется только въ силу ея эллиптическаго обращенія, звуковая или свѣтовая волна повторяется въ силу своего прямолинейнаго, круговаго или тоже эллиптическаго движенія взадъ и впередъ, сокращеніе мускула и раздраженіе нерва распространяется по мускулу и нерву тоже путемъ круговаго процесса, возвращающагося къ пункту своего отправленія, и Болдвинъ недавно показалъ, что подражаніе есть также «круговая реакція», которую можно опредѣлить, какъ «мускульную реакцію, стремящуюся получить стимулы, способные воспроизвести прежнія состоянія, которыя снова будутъ стремиться къ тѣмъ же стимуламъ, и такъ далѣе». Въ книгѣ, изъ которой я взялъ приведенную цитату, онъ придаетъ слову «подражаніе» гораздо болѣе широкое значеніе, чѣмъ то, которое придавалъ ему я, и, обобщая его, охватываетъ имъ сразу всю жизненную и социальную функцію: «Типъ реакцій,—пишетъ онъ,—или круго-

выхъ повтореній, который мы называемъ подражаніемъ, есть основной, всегда одинаковый типъ, общій всякой двигательной дѣятельности».

Но повтореніе, правильный ходъ явленій, есть только условіе ихъ дальнѣйшаго движенія и развитія, всегда болѣе или менѣе неправильнаго и пестраго, и которое все болѣе и болѣе становится такимъ по мѣрѣ своего продолженія. Ритмическое же движеніе взадъ и впередъ опредѣляетъ только отдѣльныя стадіи этого пути, не имѣя никакого вліянія на него, взятаго въ цѣломъ. Не представляетъ исключенія даже количественный ритмъ всеобщихъ повышеній и пониженій, которыя статистика находитъ на пути развитія цивилизаціи. Очень рѣдко случается, что замѣченныя увеличенія и уменьшенія равны и одинаковы, что восходящія кривыя богатства, заработной платы, биржевыхъ цѣнностей, религіозности, просвѣщенія, преступности и т. д. преломившись, переходятъ въ нисходящія кривыя одинаковой съ ними формы. Занимающіеся статистикой очень хорошо знаютъ это. Кроме того, я уже раньше указалъ — и теперь не нахожу нужнымъ повторять это — на необратимый характеръ многихъ, самыхъ важныхъ соціальныхъ эволюцій.

Итакъ, мы можемъ придти къ заключенію, что въ своихъ двухъ главнѣйшихъ формахъ противоположеніе проявляетъ и все болѣе и болѣе подчеркиваетъ свой переходный и вспомогательный характеръ: въ качествѣ ритма оно служитъ только для повторенія и посредствомъ него для измѣненія, при появленіи котораго оно сейчасъ же исчезаетъ. Въ формѣ борьбы оно служитъ только для вызыванія приспособленій, къ которымъ мы теперь и перейдемъ.

Приспособленія.

Объясненія, данныя въ предыдущихъ главахъ, уже подготовили насъ къ пониманію настоящаго смысла слова «приспособленіе», отмѣчающаго наиболѣе глубокій взглядъ науки на міръ. Здѣсь мы также увидимъ, что эволюція науки относительно какого-бы то ни было разряда дѣятельности состоитъ въ переходѣ отъ большаго къ меньшему, отъ неопредѣленнаго къ точному, отъ ложнаго и поверхностнаго къ истинному и глубокому, — въ томъ, чтобы сначала открыть или вообразить себѣ огромную гармонію цѣлаго во всей его совокупности или нѣсколько большихъ и ясныхъ внѣшнихъ гармоній его частей и затѣмъ мало-по-малу подставлять на ихъ мѣсто безчисленныя внутреннія гармоніи, безконечное число безконечно-малыхъ и плодотворныхъ приспособленій.

Мы увидимъ также, что здѣсь, какъ и прежде, эволюція дѣятельности прямо противоположна эволюціи познанія и состоитъ въ безпрестанномъ стремленіи внутреннихъ маленькихъ гармоній выступать наружу и прогрессивно расширяться. Мы не преминемъ отмѣтить также, между прочимъ, и то, что прогрессъ знанія, открывая намъ новыя и болѣе глубокія гармоніи, обнаруживаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и много незамѣченныхъ раньше и также болѣе глубокихъ дисгармоній.

Дадимъ сначала нѣсколько необходимыхъ поясненій и опредѣленій. Что такое, въ сущности, приспособленіе и естественная гармонія? Возьмемъ такой примѣръ, внѣ жизни, въ которомъ телеологическая связь

между органомъ и ея функціей была-бы такъ очевидна, что не требовалось-бы никакого объясненія: на примѣръ, бассейнъ рѣки. Здѣсь мы видимъ гору или цѣпь холмовъ, приспособленныя къ теченію воды, солнечные лучи, приспособленные къ подниманію водъ океана въ видѣ облаковъ, и вѣтры, приспособленные къ перенесенію этихъ облаковъ на вершины горъ, откуда они падаютъ дождемъ и питаютъ ключи, ручейки, рѣчки и притоки большой рѣчки, такъ что происходитъ подвижное равновѣсіе и замкнутый круговоротъ явленій, повторяющихся съ нѣ которыми измѣненіями. Можно сказать, что живое существо представляетъ собою подобный-же круговоротъ, только болѣе сложный, и въ которомъ приспособленіе является взаимнымъ, а не происходящимъ только съ одной стороны, какъ въ предыдущемъ примѣрѣ. Органъ служитъ для отправленія животной функціи, и, обратно, функція развиваетъ и поддерживаетъ органъ, между тѣмъ какъ въ первомъ примѣрѣ гора приспособляется къ теченію воды, а теченіе это не только не служитъ для поддержанія горы, но даже мало-по-малу размываетъ и сноситъ ее. Такимъ-же образомъ, солнечная теплота приспособлена къ орошенію почвы, не получая отъ нея ничего въ обмѣнъ.

Напомнимъ еще разъ, что гармонія эта постоянно повторяется. Мы видѣли это на однихъ примѣрахъ и теперь постараемся показать на другихъ. Каждая планета солнечной системы, если смотрѣть на нее съ точки зрѣнія механики, т. е., какъ на движущуюся математическую точку, представляетъ зрѣлище гармоніи между ея стремленіемъ упасть на солнце и противоположнымъ стремленіемъ удалиться отъ него по касательной къ своей орбитѣ: здѣсь было-бы противоположеніе, если-бы эти двѣ силы, центростремительная и центробѣжная, были направлены по одной прямой, но, такъ какъ онѣ направлены перпендикулярно одна къ другой, то происходитъ приспособленіе. Такимъ образомъ, въ природѣ противоположеніе переходитъ въ приспособленіе¹⁾. Но движеніе планеты есть повтореніе, отчасти измѣняющееся, этого механическаго приспособленія, что доказываетъ еще разъ вѣрность нашего положенія. Если даже смотрѣть на планету съ геологической точки зрѣнія, съ точки зрѣнія наплавыванія и физико-химическаго состава, она представляетъ весьма гармоничный порядокъ наложенныхъ другъ на друга пластовъ, и, если вѣрить Станиславу Менье, этотъ порядокъ повторяется на каждой планетѣ и даже въ общемъ составѣ и строеніи солнечной системы, такъ какъ земля въ разрѣзѣ представляетъ отъ центра къ окружности послѣдовательный рядъ пластовъ огненно-жидкихъ, затѣмъ отвердѣвшихъ, затѣмъ жидкихъ и, наконецъ, газообразныхъ, изъ которыхъ каждый необходимъ для послѣдующаго, и аналогичная-же послѣдовательность наблюдается въ природѣ свѣтилъ, исходя отъ солнца, какъ центра, вплоть до предѣловъ системы, до Нептуна, который находится въ газообразномъ состояніи. Для насъ, впрочемъ, не особенно важно, соответствуетъ или нѣтъ эта аналогія дѣйствительности.

¹⁾ Смерть и циклонъ представляютъ также атмосферическую гармонію, круговоротъ, обязанный своимъ происхожденіемъ согласному дѣйствию двухъ силъ, которыя не уничтожаются взаимно, а дополняютъ одна другую въ общей равнодѣйствующей.

Всякій агрегатъ представляетъ собой совокупность предметовъ, взаимно приспособленныхъ одинъ къ другому, или всё вмѣстѣ къ одной общей функціи. Кроме того, агрегаты могутъ быть, въ свою очередь, соединены вмѣстѣ и со-приспособлены, что представляетъ новую, высшую степень приспособленія, и подобное повышение можетъ идти до безконечности. Первую степенъ приспособленія представляютъ между собой элементы данной системы, вторую—соединеніе ея съ окружающими системами, съ тѣмъ, что принято называть очень неопредѣленно ея средой. Поэтому само приспособленіе, относительно чего-бы то ни было, сильно отличается отъ приспособленія къ другому, какъ самоповтореніе (привычка) отличается отъ повторенія другого (наслѣдственности или подражанія) и самопротивоположеніе (колебаніе, сомнѣніе) отличается отъ противоположенія другому (борьбы, конкуренціи). Часто эти два рода приспособленій взаимно исключаютъ другъ друга: въ политикѣ почти всегда замѣчаютъ, что конституціи, наиболѣе цѣльныя и логичныя, представляющія въ совершенствѣ образчикъ первой степени приспособленія, наименѣе приспособлены къ ихъ традиціонной и обычной средѣ, и, наоборотъ, наиболѣе практическія—наименѣе логичны. Это самое замѣчаніе примѣнимо и къ грамматикамъ, религіямъ, искусствамъ и т. д. Единственную безукоризненную грамматику, въ которой совсѣмъ нѣтъ исключеній, имѣетъ только... волапоукъ. Такъ-же хорошо можно приложить это замѣчаніе и къ организмамъ: есть между ними совершенныя, которые почти не могутъ существовать и могли-бы гораздо лучше, если-бы были менѣе совершенными ¹⁾.

Сдѣлавъ эти предварительныя замѣчанія, перейдемъ къ доказательству двухъ, высказанныхъ нами выше, положеній. Сторонники конечныхъ причинъ сдѣлали все возможное, чтобы подорвать авторитетъ своей теоріи. Между тѣмъ несомнѣнно, что первый лепетъ науки начался, именно, въ тотъ моментъ, когда это понятіе цѣлесообразности, даже въ его наиболѣе мистическою и наименѣе раціональной формѣ, было введено во взглядъ на міръ. При видѣ звѣзднаго міра, первобытное сознание вообразило огромное и единственное приспособленіе, происшедшее изъ иллюзіи, называемой геопетрической: всё звѣзды существуютъ *для* земли; земля и построенный на ней городъ составляютъ главнѣйшую задачу въ жизни небосклона, который постоянно заботится о населяющихъ землю эфемерныхъ существахъ—людяхъ. Астрологія была только логическимъ выводомъ изъ этого грандіознаго воображаемаго приспособленія неба къ землѣ и человѣку. Истинная астрономія не только разстроила эту нелѣпую гармонію, но разрушила также и единство гармоніи небесной, раздробивъ ее настолько частичныхъ гармоній, сколько есть солнечныхъ системъ, сплоченныхъ каждая

¹⁾ Если въ умѣ явилась какая-нибудь точка зрѣнія или идея, то умственный прогрессъ, исходя изъ этой идеи (въ общемъ, смѣшанной изъ истины и заблужденія), можетъ идти въ двухъ различныхъ направленіяхъ: 1) въ направленіи къ первой степени приспособленія, т. е. къ постепенной гармонизаціи этой идеи съ самою собою, къ ея дифференціаціи и внутренней законченности (развитіе многихъ теологій и метафизикъ) или 2) въ направленіи ко второй степени приспособленія, т. е. послѣдовательной гармонизаціи этой идеи съ данными чувствъ, съ высшими воспріятіями и открытіями (научное развитіе).—Въ первомъ случаѣ прогрессъ этотъ очень часто состоитъ только въ переходѣ отъ одной меньшей ошибки къ другимъ, гораздо болѣе важнымъ.

отдѣльно и симметрически расположенныхъ, но связанныхъ между собою весьма сомнительными и неопредѣленными узлами и сгруппированныхъ въ безформенныя туманности и въ безпорядкѣ разбѣянные созвѣздія, такъ что человѣческій разумъ, любя прежде всего порядокъ, долженъ былъ отказаться отъ мысли найти во всей міровой совокупности, въ космосѣ, величайшій предметъ преклоненія, наиболее рѣзко выраженныхъ черты божественнаго распределенія. Чтобы найти ихъ, онъ долженъ былъ спуститься къ солнечной системѣ, и здѣсь, по мѣрѣ того, какъ онъ ближе знакомился съ этимъ міркомъ, его приводила въ восторгъ не столько вся совокупность, сколько отдѣльныя части этой прекрасной группировки массъ. Не столько взаимное отношеніе планетъ между собою, сколько отношеніе каждой изъ нихъ къ своимъ спутникамъ и еще болѣе геологическая формація на поверхности ихъ почти шаровыхъ тѣлъ привели его въ изумленіе, обнаруживъ предъ нимъ свою тѣсную связь. Отнынѣ религіозная душа для поклоненія глубочайшей мудрости, управляющей міромъ, должна обращаться уже не къ обширному своду небесъ, но прежде всего къ ретортѣ химика, въ которой она должна искать откровеніе тайны физическихъ гармоній, гораздо болѣе цѣнныхъ, чудесныхъ и достойныхъ преклоненія, чѣмъ безпорядокъ звѣздъ, — тайну химическихъ соединеній. Если бы, имѣя достаточно сильный микроскопъ, мы могли разсмотрѣть внутренность молекулы, мы увидѣли бы, навѣрно, чудесное сплетеніе эллиптическихъ и круговыхъ движеній гораздо болѣе волшебное, чѣмъ довольно таки однообразное и незамысловатое круженіе громоздкихъ небесныхъ тѣлъ.

Переходя отъ міра физическаго къ міру животному, мы опять констатируемъ, что и здѣсь первой попыткой разума было представить себѣ грандіозное и единственное приспособленіе всего органическаго созданія, какъ животнаго, такъ и растительнаго, къ нуждамъ человѣчества, къ его питанію, къ его наслажденію, къ его защитѣ и къ предупрежденію его о скрытыхъ опасностяхъ. Жреческія гаданія и тотемизмъ, распространенные почти у всѣхъ первобытныхъ народовъ, основаны только на этомъ. Хотя прогрессъ знанія разбѣялъ эту антропоцентрическую иллюзію, отъ нея все-таки остался еще слѣдъ въ научномъ заблужденіи, уже долгое время царящемъ среди философовъ-натуралистовъ, представляющихъ себѣ палеонтологическій рядъ, какъ идущій по прямой линіи къ человѣку, и смотрящихъ на всякій исчезнувшій или еще существующій видъ, какъ на одну изъ нотъ огромнаго концерта, называемаго божественнымъ планомъ органической природы, идеальнаго и правильнаго сооруженія, на вершинѣ котораго стоитъ человѣкъ. Съ большимъ трудомъ, послѣ ряда опроверженій, собранныхъ изъ наблюденій, пришлось отказаться отъ столь пріятной мысли и признать, что природа болѣе всего обнаруживаетъ свою чудесную силу гармоніи отнюдь не въ крупной, но изогнутой и развѣтвленной, линіи эволюціи существъ, и не въ крупныхъ группировкахъ ихъ различныхъ видовъ во флорѣ и фаунѣ, несмотря на замѣчательное приспособленіе, обнаруженное напр. въ случаяхъ комменсализма и въ отношеніи между нѣкоторыми насѣкомыми и цвѣтами растений, но, главнымъ образомъ, въ деталяхъ каждаго организма. Сторонники вопечныхъ причинъ подорвали авторитетъ своей теоріи, я думаю, тѣмъ, что невѣрно пользовались ею, но не тѣмъ, что злоупотребили ей. Напротивъ того, я скорѣе упрекнулъ

бы ихъ въ томъ, что они въ своемъ объединительномъ стремленіи сдѣлали изъ нея слишкомъ узкое употребленіе. Въ природѣ нѣтъ одной цѣли, по отношенію къ которой все остальное было бы только средствомъ, но есть безконечное множество цѣлей, взаимно содѣйствующихъ другъ другу. Каждый организмъ, каждая клѣточка въ организмѣ и, можетъ быть, каждый элементъ клѣточки имѣетъ свое собственное отдѣльное назначеніе. Такимъ образомъ, и здѣсь, какъ прежде, мы пришли къ мысли, что гармонирующая сила,—по крайней мѣрѣ, та, которой имѣетъ право заниматься положительная наука, не отрицая нисколько возможности какой-нибудь другой,—не огромная и не единственная, и находится не внѣ и не сверху, но это сила безконечно-малая, внутренняя и безконечно-многочисленная. Въ сущности, источникъ всѣхъ живыхъ гармоній, все менѣе и менѣе замѣтныхъ по мѣрѣ того, какъ удаляются отъ исходной точки и обхватываютъ болѣе широкую область, лежитъ въ оплодотворенномъ яичкѣ, въ которомъ скрещиваются вѣтви двухъ генеалогическихъ древъ и которое служитъ началомъ для новыхъ свойствъ, а они, въ свою очередь, будутъ продолжать распространяться путемъ подбора болѣе приспособленныхъ и отбрасыванія болѣе слабыхъ.

Перейдемъ теперь къ міру социальному. Богословы, которые, сами того не подозрѣвая, были всегда первыми социологами, смотрятъ на сѣтъ исторіи всѣхъ земныхъ народовъ, какъ на сходящуюся, начиная съ первыхъ временъ человѣчества, къ моменту, въ который начался ихъ культъ. Прочтите, напримѣръ, Боссюэта. Сдѣлавшись впоследствии свѣтской, социологія все-таки не отрѣшилась отъ подобнаго рода тенденціи. Огюстъ Контъ только позаимствовалъ основную мысль Боссюэта, предъ которымъ онъ преклонялся: для него вся исторія сходитъ къ моменту, когда началась эра и царствованіе его позитивизма, этого своего рода свѣтскаго ново-католицизма. Въ глазахъ Огюстена Тьерри, Гизо и другихъ философовъ исторіи въ эпоху 30-хъ годовъ все теченіе европейской исторіи сходитъ къ моменту іюльской монархіи. Собственно говоря, то, что основалъ Контъ, была не социологія, а всего только философія исторіи, построенная съ удивительною логичностью и названная имъ этимъ новымъ именемъ, это было послѣднее слово: философіи исторіи. Какъ всѣ системы, носящія это названіе, его построеніе развертываетъ предъ нами человѣческую исторію, этотъ запутанный клубокъ, или, вѣрнѣе, смѣшанную кучу разноцвѣтныхъ клубковъ, подъ видомъ единой эволюціи, единственнаго представленія своего рода трилогіи или одной трагедіи, написанной по известнымъ правиламъ, въ которой все связано вмѣстѣ, каждая часть состоитъ изъ тѣсно связанныхъ между собою фазъ, каждое звено приспособлено и прикрѣплено къ слѣдующему и все неизбежно идетъ къ окончательной развязкѣ. Спенсеръ уже значительно больше приблизился къ здравому пониманію социальнаго приспособленія: его формула социальной эволюціи прилагается уже не къ одной единственной драмѣ. Эволюціонисты его школы, формулируя такимъ образомъ законы развитія лингвистики, религіи, экономіи, политики, морали и эстетики, также считаютъ, или, по крайней мѣрѣ, подразумеваютъ, что эти законы приложимы не только къ теченію исторической жизни народовъ, имѣющихъ привилегію называться историческими, но и всѣхъ другихъ, какіе только существовали

или будутъ существовать. Однако и здѣсь замѣчается все та же ошибка, хотя въ меньшихъ размѣрахъ: допускать, что для того, чтобы выяснитъ мало-по-малу правильность, порядокъ и логическій ходъ социальныхъ фактовъ, надо выйти за предѣлы ихъ деталей, по существу своему неправильныхъ, и подняться очень высоко до того, чтобы охватить однимъ взглядомъ широкую панораму всей совокупности этихъ фактовъ; думаютъ, что начало и источникъ всей социальной координаціи лежитъ въ какомъ нибудь общемъ фактѣ, изъ котораго она постепенно исходитъ вплоть до частныхъ фактовъ, значительно ослабѣвая, и что, въ общемъ, человекъ мечется, насильно влекомый закономъ эволюціи.

Я придерживаюсь, въ извѣстномъ смыслѣ, прямо противоположнаго мнѣнія. Я не отрицаю того, что для различныхъ историческихъ эволюцій, какъ для рѣкъ одного и того же бассейна, существуетъ нѣкоторая общность направленія, и знаю, что, если многіе изъ этихъ притоковъ и рѣкъ исчезаютъ и высыхаютъ, другіе все-таки, преодолевъ встрѣтившіяся на пути препятствія, сливаются, наконецъ, въ одномъ общемъ потокѣ, иногда развѣтвленомъ и образующемъ нѣсколько отдѣльныхъ устьевъ; но вижу также, что истинная причина этого окончательнаго потока, порожденнаго этими рѣками,—этого окончательнаго перевѣса надъ другими социальной эволюціи народовъ, называемыхъ историческими, лежитъ въ рядѣ научныхъ открытій и промышленныхъ изобрѣтеній, которыя, безпрестанно накопляясь и содѣйствуя одно другому, образуютъ цѣльную систему, дѣйствительная связь которой отражается, повидимому, хотя не вполне точно, во взаимной связи между народами, содѣйствовавшими ея образованію. Если же подняться къ настоящему источнику этого научнаго теченія, то мы найдемъ его въ каждомъ гениальномъ мозгу, прибавившемъ новую истину или средство новаго производства къ вѣковому наслѣдію, завѣщанному исчезнувшими поколѣніями человечества, и сдѣлавшемъ, благодаря этому прибавленію, болѣе гармоничными взаимныя отношенія между людьми, развивая въ нихъ общность мыслей и согласное приложеніе ихъ условій. Итакъ, въ противоположность философамъ, о которыхъ я только что говорилъ, я утверждаю, что только детали того, что дѣлается людьми, заключаютъ въ себѣ замѣтныя приспособленія, что въ нихъ лежитъ начало уже менѣе замѣтныхъ гармоній въ болѣе обширныхъ сферахъ, и что, чѣмъ болѣе мы будемъ подниматься отъ маленькихъ и тѣсно сплоченныхъ социальныхъ группъ—семьи, школы, мастерской, церковнаго прихода, монастыря или полка, къ городу, провинціи и націи, тѣмъ менѣе полной и менѣе бросающейся въ глаза будетъ та солидарность, которую мы здѣсь найдемъ. Въ общемъ, въ одной отдѣльной фразѣ болѣе логичности, чѣмъ въ цѣломъ разсужденіи, и въ одномъ отдѣльномъ разсужденіи болѣе, чѣмъ въ цѣломъ ряду разсужденій; ея болѣе въ одномъ особомъ обрядѣ, чѣмъ во всей совокупности культа, въ отдѣльномъ догматѣ болѣе, чѣмъ во всемъ символѣ вѣры; въ отдѣльной статьѣ закона болѣе, чѣмъ во всемъ сводѣ; въ специальной научной теоріи болѣе, чѣмъ во всей наукѣ, взятой въ цѣломъ, и въ каждой отдѣльной работѣ, исполненной мастеровымъ, болѣе, чѣмъ во всей совокупности его ремесла. Дѣло обстоитъ, такимъ образомъ, до тѣхъ поръ, пока какая-нибудь сильная индивидуальность не возьметъ на себя трудъ привести въ порядокъ всю совокупность фактовъ. Въ

этомъ случаѣ, который становится все болѣе и болѣе частымъ, такъ какъ цивилизація характеризуется тою относительною легкостью, которую она представляетъ для осуществленія того или другого индивидуальнаго плана общественной реорганизаціи, — не всегда оказывается вѣрнымъ, что гармоничность агрегатовъ обратно пропорціональна ихъ массамъ: иногда—и съ каждымъ днемъ все чаще и чаще,—случается, что наиболѣе обширные изъ нихъ бываютъ наиболѣе гармоничными. Французская администрація, напримѣръ, организованная деспотическимъ гениемъ Наполеона, приспособлена къ своей общей цѣли, по крайней мѣрѣ, такъ же хорошо, какъ каждая изъ ея составныхъ частей къ своему специальному назначенію; сѣть казенныхъ желѣзныхъ дорогъ въ Пруссіи такъ же хорошо приспособлена къ стратегическимъ цѣлямъ, какъ каждый изъ ея отдѣльныхъ вокзаловъ къ своимъ коммерческимъ или другимъ какимъ-нибудь цѣлямъ; системы Канта, Гегеля и Спенсера такъ же стройны въ цѣломъ видѣ, какъ и наибольшія отдѣльныя теоріи, послужившія для нихъ матеріаломъ. Хорошо составленное законодательство можетъ представлять въ совокупности своихъ главъ и томовъ столько же порядка, сколько каждый изъ вошедшихъ въ составъ его отдѣльныхъ законовъ представлялъ въ связи своихъ пунктовъ, а когда религія подтверждена теологіей, достаточно вѣской, связь ея догматовъ можетъ быть или казаться столько же логичной, сколько каждый изъ нихъ, взятый въ отдѣльности. Но, какъ не трудно замѣтить, факты эти, противорѣчащіе, по видимому, тѣмъ, которые я изложилъ выше, въ дѣйствительности, вмѣстѣ съ ними показываютъ, что въ индивидуальномъ геніи лежитъ истинный источникъ всякой соціальной гармоніи, такъ какъ всѣ эти прекрасныя сооруженія должны были быть придуманы, прежде чѣмъ были приведены въ исполненіе; въ началѣ они существовали только въ видѣ идеи, скрытой въ нѣсколькихъ мозговыхъ клѣточкахъ, прежде чѣмъ заняли обширную территорію. Теперь мы можемъ утверждать, что *элементъ соціальнаго приспособленія* лежитъ, въ сущности, во взаимномъ приспособленіи двухъ людей, изъ которыхъ одинъ словомъ или дѣломъ отвѣчаетъ на высказанный вслухъ или молчаливый вопросъ другого, такъ какъ удовлетвореніе потребности, какъ и рѣшеніе задачи, есть только отвѣтъ на вопросъ. Теперь мы можемъ сказать, что элементъ этой гармоніи состоитъ во взаимномъ отношеніи двухъ людей, изъ которыхъ одинъ учится, а другой поучаетъ, одинъ повелѣваетъ и другой повинуется, одинъ производитъ и продаетъ, другой покупаетъ и потребляетъ, одинъ—актеръ, поэтъ или художникъ, другой—зритель, читатель или любитель, а также въ отношеніи между двумя людьми, работающими вмѣстѣ надъ однимъ общимъ дѣломъ,—отношеніи, отличающемся отъ предыдущихъ, хотя предполагающемъ также отношеніе между двумя людьми, изъ которыхъ одинъ служитъ образцомъ, а другой—копией.

Но, по моему мнѣнію, надо повести анализъ еще дальше и, какъ я только что указалъ, искать элементъ соціальнаго приспособленія въ самомъ мозгу, въ индивидуальной геніальности изобрѣтателя. Изобрѣтеніе,—конечно, то, которому будутъ подражать,—такъ какъ то, которое остается скрытымъ въ умѣ своего автора, не имѣетъ никакого общественнаго значенія,—представляетъ собой гармонію идей, т. е. мать всѣхъ другихъ гар-

моній у людей. Чтобы могъ состояться обмѣнъ между производителемъ и потребителемъ, или первоначально, чтобы произведенная вещь могла быть дана потребителю (такъ какъ обмѣнъ есть взаимное даваніе, исходившее сначала только съ одной стороны), необходимо, чтобы производитель имѣлъ сразу двѣ идеи: о потребности потребителя и о способѣ удовлетворить ее. Безъ этого внутренняго приспособленія двухъ идей не было-бы возможно внѣшнее приспособленіе, называемое обмѣномъ. Подобнымъ-же образомъ, раздѣленіе труда между многими людьми, распределяющими между собою различныя части одной и той-же работы, исполненной предварительно кѣмъ-нибудь однимъ, не было-бы возможно, если-бы этотъ послѣдній не придумалъ смотрѣть на эти различныя работы, какъ на части одного цѣлаго, какъ на средства достиженія одной общей цѣли. Въ основаніи всякой ассоціаціи между людьми, повторяю я, лежитъ предварительно ассоціація между идеями одного и того-же человѣка.

Мнѣ не могутъ замѣтить, что это приспособленіе однѣхъ идей къ другимъ заслуживаетъ названія соціальнаго только тогда, когда оно проявляется во взаимномъ приспособленіи однѣхъ идей къ другимъ, такъ какъ въ дѣйствительности оно очень часто проявляется въ совершенно иномъ видѣ, который даже, повидимому, преобладаетъ. Съ тѣхъ поръ, какъ работа, исполняемая однимъ человѣкомъ, была замѣнена раздѣленіемъ труда между многими людьми, часто случается, что новое изобрѣтеніе имѣетъ своимъ результатомъ то, что всѣ фазы производства начинаютъ исполняться одной машиной. Въ этомъ случаѣ раздѣленіе труда, т. е. ассоціація работъ отдѣльныхъ людей играла роль только переходной ступени между ассоціаціей идей въ мозгу перваго исполнителя работы и ассоціаціей составныхъ частей машины. Здѣсь идея генія воплотилась не въ группѣ рабочихъ, а въ кускахъ желѣза или дерева. И, благодаря прогрессу машиннаго производства, случай этотъ становится все болѣе и болѣе общераспространеннымъ явленіемъ. Предположите невозможное, — что все человѣческое производство исполняется такимъ образомъ машинами. Тогда не было-бы болѣе раздѣленія труда, потому что не было-бы вовсе или почти труда, и можно сказать, если угодно, что тогда не было-бы соціальной гармоніи въ собственномъ смыслѣ слова, но зато было-бы болѣе соціальнаго униссона, и этотъ униссонъ, гораздо болѣе желательный, чѣмъ самая гармонія, былъ-бы результатомъ безчисленныхъ и безконечно малыхъ мозговыхъ приспособленій. Нѣтъ болѣе могущественныхъ соціальныхъ факторовъ, чѣмъ эти факты, которые могутъ быть только индивидуальными.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что здѣсь, какъ и раньше, эволюція соціологии заставила ее сойти съ высотъ призрачныхъ грандіозныхъ и неясныхъ причинъ къ причинамъ безконечно-малымъ, дѣйствительнымъ и точнымъ. Покажемъ теперь, — или, вѣрнѣе сказать, только отмѣтимъ, такъ какъ подробное изложеніе заняло-бы много мѣста, — что эволюція соціальной дѣйствительности, прямо противоположная эволюціи соціальныхъ наукъ, состояла въ постепенномъ переходѣ отъ множества очень малыхъ гармоній къ меньшему числу болѣе крупныхъ и къ очень небольшому числу грандіозныхъ, вплоть до того, когда въ безконечно отдаленномъ будущемъ соціальныи прогрессъ будетъ законченъ одной всеобщей диви-

лизацией, настолько гармоничной, насколько это возможно. Само собою разумеется, что этот закон прогрессивнаго расширения не касается здѣсь подражательнаго распространения какого-нибудь изобрѣтенія или группы изобрѣтеній, такъ какъ это значило-бы вернуться къ закону подражанія, который мы уже знаемъ. Дѣло не идетъ также о безпрестанномъ увеличеніи, которое производитъ подражательное лучеиспусканіе въ соціальной гармоніи, называемой раздѣленіемъ труда, и которую слѣдовало-бы назвать скорѣе солидарностью работъ. Если промышленность остается тою-же, нисколько не прогрессируя, происходящая изъ нея соціальная кооперація увеличивается по мѣрѣ того, какъ, съ одной стороны, потребительныя нужды, которымъ она соответствуетъ, и, съ другой,—производительныя акты, посредствомъ которыхъ она отвѣчаетъ потребителямъ, распространяются путемъ подражанія за предѣлы области, сначала очень ограниченной, въ которой она зародилась. Какъ ни важенъ фактъ роста рынковъ, служащій обыкновенно предшественникомъ народныхъ федерацій, здѣсь дѣло идетъ не о немъ. Собственно говоря, этотъ вышній прогрессъ весьма рѣдко можетъ совершаться безъ внутренняго прогресса индустрии.

Мы намѣрены говорить теперь только объ этомъ внутреннемъ прогрессѣ, т. е. о тенденціи всякаго изобрѣтенія, всякаго даннаго соціальнаго приспособленія, усложняться и увеличиваться, приспособляясь къ другому изобрѣтенію, къ другому приспособленію, и создавая такимъ образомъ новое приспособленіе, которое, путемъ такихъ же встрѣчъ и логическихъ соединеній, приведетъ къ еще болѣе сложнымъ синтезамъ, и такъ далѣе. Эти два рода прогресса: прогрессъ изобрѣтенія въ *объемѣ* путемъ подражательнаго распространения и его прогрессъ въ *содержаніи* путемъ, такъ сказать, логическихъ сочетаній, безспорно отличаются одинъ отъ другого, но они далеко не противоположны и, не смотря на то, что, съ другихъ точекъ зрѣнія, объемъ обыкновенно противопоставляютъ содержанію, они идутъ рука объ руку и неразлучно другъ съ другомъ. При всякомъ соединеніи въ мозгу двухъ изобрѣтеній въ одно третье: когда, на примѣръ, идея о колесѣ и идея о порабоженіи лошади, распространяясь независимо одна отъ другой (быть можетъ, въ теченіе многихъ вѣковъ), встрѣтились наконецъ и слились вмѣстѣ въ идею о повозкѣ,—для того, чтобы это сближеніе могло произойти въ одномъ и томъ же мозгу, было необходимо дѣйствіе подражанія, какъ оно было необходимо раньше для появленія каждой изъ этихъ идей, элементы которыхъ попали въ умъ путемъ различныхъ примѣровъ и распространенныхъ образцовъ. Болѣе того, для каждаго новаго синтеза изобрѣтеній необходимо, въ общемъ, подражательное лучеиспусканіе болѣе широкое, чѣмъ прежнія. Эти двѣ прогрессивныя: подражательная—однообразная и изобрѣтательная—синтетическая безпрестанно сплетаются вмѣстѣ на своемъ пути. Между ними существуетъ связь, конечно, не вполне строгая и опредѣленная,—такъ какъ въ мозгу какого-нибудь, на примѣръ, Архимеда или Ньютона можетъ развиваться длинный рядъ новыхъ положеній, не получая въ промежуткѣ между этими открытіями новыхъ элементовъ, идущихъ отъ другихъ ученыхъ,—но обыкновенно эта связь все-таки существуетъ, такъ что мы всегда ждемъ, что протяженіе соціальнаго поля и интенсивность соціальнаго общенія,

рость и усиленіе національностей, если не государствъ, 'будеть увеличиваться вмѣстѣ съ увеличеніемъ богатства языка, красоты богословія, связи между отдѣльными науками, сложности и стройности законовъ, произвольной организаціи или регламентаціи фабричнаго труда, финансоваго режима, порядка и цѣлесообразности въ администраціи, утонченности и разнообразія литературы и искусствъ.

Тѣмъ не менѣе, повторяю я, надо остерегаться, чтобы не смѣшивать, какъ это часто бываетъ, прогресса просвѣщенія, какъ простаго результата подражанія, съ прогрессомъ науки, результатомъ приспособленія; прогресса нравственности съ прогрессомъ морали; прогресса милитаризма — съ прогрессомъ военнаго искусства; прогресса языка въ его распространеніи съ прогрессомъ языка въ грамматическихъ тонкостяхъ и богатствѣ словъ. Если наука прогрессируетъ, а просвѣщеніе не продолжаетъ распространяться, то это далеко не то-же, какъ если бы просвѣщеніе распространялось все болѣе и болѣе, а наука оставалась-бы на точкѣ замерзанія: это двѣ несоизмѣримыя вещи. Каждое завоеваніе науки, каждая истина, прибавленная къ ея агрегату, т. е. взаимоприспособленію согласныхъ между собою положеній, представляетъ не простое прибавленіе, а скорѣе умноженіе и взаимное усиленіе, тогда какъ каждый новый ученикъ, присоединенный къ другимъ, каждый новый экземпляръ мозга, который напитываютъ преподаваемой наукой, есть только лишняя единица, прибавленная къ другимъ. Однако, для точности, замѣтимъ, что здѣсь есть нѣчто большее, чѣмъ простое сложеніе, такъ какъ вытекающая отсюда общность понятій, какъ результатъ сходства образованія, даваемого различнымъ дѣтямъ, укрѣпляетъ въ каждомъ изъ нихъ вѣру въ приобретенныя познанія, и является такимъ образомъ также социальнымъ приспособленіемъ, не менѣе цѣннымъ, чѣмъ другія ¹⁾.

Но, прежде чѣмъ идти дальше, остановимся на этомъ и сдѣлаемъ нѣсколько интересныхъ замѣчаній. Прежде всего обратимъ вниманіе на то, насколько идея приспособленія становится все болѣе точной и ясной при переходѣ отъ міра физическаго и животнаго къ міру социальному. Мы рѣшительно ничего не знаемъ относительно того, что представляютъ собой приспособленіе кислотной молекулы къ основной, съ которой она соединяется, или приспособленіе сѣмени къ яичку, которое, по оплодотвореніи сѣменемъ, даетъ зародышъ новаго индивидуума и даже, можетъ быть, основаніе новой расы. Правда, мы нѣсколько лучше понимаемъ природу явленія, когда двѣ звуковыя волны, интерферируясь, не уничтожаютъ одна другую, а взаимно содѣйствуютъ другъ другу и производятъ усиленіе звука или новый неожиданный тембръ; но это, собственно говоря, только потому,

¹⁾ Замѣтимъ, между прочимъ, что это сходство образованія бываетъ полнымъ только въ начальныхъ школахъ, менѣе полнымъ въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, не смотря на однообразіе программъ выпускныхъ экзаменовъ, и еще менѣе полнымъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ такъ часто свободно сталкиваются различныя доктрины. А служебный и переходный характеръ разногласій и споровъ проявляется въ томъ, что высшее образованіе, гдѣ они царятъ, постоянно стремится перенести ихъ въ среднее, гдѣ они уже менѣе замѣтны, и наконецъ въ низшее, гдѣ ихъ совершенно не существуетъ. Разногласія ученыхъ не служатъ ни къ чему, если не къ тому, чтобы выдѣлить извѣстныя приспособленія истинныя и сдѣлать ихъ доступными для употребленія въ народныхъ и сельскихъ школахъ.

что простое усиленіе звука или даже появленіе новаго тембра, являясь оригинальнымъ творчествомъ только съ субъективной точки зрѣнія нашихъ слуховыхъ ощущеній, не имѣютъ ничего общаго съ объективно-творческимъ фактомъ химическаго соединенія. Подобнымъ-же образомъ, когда два животныхъ или растительныхъ вида, встрѣтившись вмѣстѣ, становятся другъ къ другу въ отношеніе хозяина и паразита, этотъ случай животнаго мутуализма, служащаго только для простаго увеличенія ихъ благополучія, очень ясенъ самъ по себѣ и отличается этимъ отъ совершенно невыясненнаго пока случая оплодотворенія. Но, когда происходитъ благопріятная интерференція двухъ раздражательныхъ лучей, то, какова бы она ни была, она всегда ясна для нашего пониманія. Она можетъ состоять только въ усиленіи одного другимъ, какъ, на примѣръ, когда распространеніе горѣлки Ауэра благопріятствуетъ распространенію газоваго освѣщенія и обратно, или когда распространеніе французскаго языка благопріятствуетъ распространенію французской литературы, которая, въ свою очередь, помогаетъ его распространенію. Возможно также, что эта интерференція имѣетъ болѣе глубокаія послѣдствія и вызываетъ новое изобрѣтеніе, очагъ новаго лучеобразно распространяющагося подражанія, какъ, на примѣръ, когда распространеніе мѣди, встрѣтившись съ распространеніемъ чугуна, подало мысль фабриковать бронзу, или когда знаніе алгебры и геометріи подало Декарту мысль алгебраическаго выраженія кривыхъ. Но въ этомъ случаѣ, какъ и въ предыдущемъ, мы ясно видимъ, что приспособленіе въ нихъ является извѣстнымъ логическимъ или телеологическимъ соотношеніемъ и сводится къ одному изъ этихъ двухъ типовъ: то оно, какъ законъ Ньютона или какой-нибудь другой научный законъ, представляетъ собой синтезъ идей, которыя раньше, какъ казалось, не опровергали и не подтверждали другъ друга, и которыя теперь взаимно подтверждаются, исходя изъ одного и того-же принципа; то оно, какъ какая-нибудь фабричная машина, является синтезомъ актовъ, которые, не имѣвъ прежде другъ съ другомъ ничего общаго, служатъ теперь, благодаря остроумному сближенію, согласно дѣйствующими средствами для достиженія одной общей цѣли. Изобрѣтеніе повозки (уже, какъ мы видѣли, сложное само по себѣ), открытіе желѣза, открытіе двигательной силы пара, изобрѣтеніе поршня, и изобрѣтеніе рельсъ, не имѣющія на первый взглядъ ничего общаго другъ съ другомъ, соединились вмѣстѣ въ изобрѣтеніи локомотива.

Затѣмъ, при всякомъ синтезѣ актовъ, при научномъ открытіи или промышленномъ изобрѣтеніи, при синтезѣ религіозномъ или эстетическомъ, однимъ словомъ, при всякомъ теоретическомъ или практическомъ синтезѣ элементарный процессъ, образующій его, состоитъ всегда въ томъ, что можно было бы назвать логическимъ сочетаніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, сколько бы ни было идей или актовъ, синтетизируемыхъ теоріей или машиной, никогда больше двухъ элементовъ сразу не комбинируется и не приспособляется одинъ къ другому въ мозгу изобрѣтателя или каждаго изъ изобрѣтателей, послѣдовательно работавшихъ надъ ихъ созиданіемъ. Недавно въ своей «Семантикѣ» Бреаль сдѣлалъ по поводу языка очень мѣткое замѣчаніе, подтверждающее наше общее положеніе: «Какова бы ни была, — говоритъ онъ, — длина сложнаго слова, оно никогда не содержитъ въ себѣ болѣе двухъ составныхъ. Правило это не случайно и основано

на свойствѣ нашего ума ассоціировать свои идеи попарно». Въ другомъ мѣстѣ, по поводу схематическихъ фигуръ, посредствомъ которыхъ Джемсъ Дармстетеръ пытался наглядно изобразить эволюцію смысла словъ въ различныхъ направленіяхъ, тотъ-же авторъ пишетъ: «Не слѣдуетъ забывать, что эти сложныя фигуры представляютъ интересъ только для лингвиста, такъ какъ тотъ, кто придумываетъ новый смыслъ слова, забываетъ на время всѣ другія значенія, которыя оно имѣло раньше, кромѣ одного, такъ какъ ассоціаціи идей происходятъ всегда попарно или пара съ парой. То же самое мы наблюдали въ противоположеніи идей. Не трудно было-бы (хотя на это потребовалось-бы не мало времени) показать, что этотъ процессъ происходитъ вездѣ, рассматривая послѣдовательно каждое открытіе и каждое усовершенствованіе, прибавленное къ прежнимъ, въ наукѣ, въ юриспруденціи, въ экономіи, въ политикѣ, въ искусствѣ и въ морали. Постараемся указать здѣсь лучше только на причину этого явленія, сдѣлавшую его возможнымъ.

Это основано, съ одной стороны, на томъ, что работа мысли состоитъ въ переходѣ отъ одной идеи къ другой, связывая ихъ или посредствомъ сужденія, указывающаго на идею сказуемаго, какъ на входящую въ составъ или содержаніе идеи подлежащаго, или посредствомъ желанія, смотрящаго на идею средства, какъ на предрѣшенную идею цѣли, а, съ другой стороны, на томъ, что умъ переходитъ отъ одного сужденія къ другому, болѣе сложному, отъ одного желанія къ другому желанію, болѣе содержательному, въ силу мысленнаго самоповторенія въ формѣ воспоминанія или привычки, когда сужденіе переходитъ въ понятіе, нераздѣльно сливаясь съ нимъ, и желаніе или намѣреніе измѣняется въ рефлексъ, все менѣе и менѣе сознательный. Путемъ этого непредотвратимаго измѣненія,—называемаго въ его крупной, соціальной формѣ традиціей или обычаемъ,—наши прежнія сужденія пріобрѣтаютъ способность входить, какъ понятія, въ составъ новаго сужденія и наши прежнія намѣренія въ составъ новаго желанія. Этотъ процессъ не измѣняется, начиная отъ самыхъ низшихъ и кончая самыми высокими операціями нашего разума и нашей воли, и нѣтъ теоретическаго открытія, которое не было-бы присоединеніемъ въ умѣ атрибута, т. е. одного изъ прежнихъ сужденій, къ новому субъекту, какъ нѣтъ практическаго открытія, которое не было бы произвольнымъ присоединеніемъ средства, т. е. одной изъ прежнихъ самодовлѣющихъ цѣлей, къ новой цѣли. Благодаря этому безпрестанно чередующемуся измѣненію сужденій и цѣлей, которыя были таковыми вчера, въ простыя понятія и средства, которыми онѣ являются сегодня и которыя завтра войдутъ въ составъ новыхъ сужденій и цѣлей, которымъ суждено претерпѣть тѣ-же превращенія, и такъ далѣе; благодаря этому соціальному, а равно и психологическому ритму, были мало-по-малу воздвигнуты всѣ великія сооруженія открытій и сплоченныхъ вмѣстѣ изобрѣтеній, которыя вызываютъ теперь наше изумленіе: наши языки, наши религіи, наши науки, наши своды законовъ, даже наши администраціи и военныя организаціи, и, уже безспорно, наша промышленность и наше искусство.

Въ сравненіи съ великими соціальными предметами: грамматикой, сводомъ законовъ, богословіемъ и т. д. индивидуальный умъ, стоящій у

подножья этихъ гигантскихъ монументовъ, кажется такимъ ничтожнымъ, и многіе соціологи находятъ смѣшнымъ даже думать, что онъ есть единственный строитель этихъ замковъ. Хотя они, такимъ образомъ, сами того не замѣчая, отказываются объяснить дѣло, ихъ не трудно извинить, если они доходятъ до того, что видятъ во всемъ этомъ безличныя творчества, — откуда уже не далеко и до мнѣнія Дюркгейма, что соціальные предметы не *функции* индивидуума, а, напротивъ того, его *факторы*, что существуютъ они независимо отъ человѣческихъ личностей и самовластно правятъ ими, отбрасывая на нихъ свою подавляющую тѣнь. Но, какимъ образомъ были созданы эти соціальныя реальности? (Замѣчу при этомъ, что, отрицая идею соціального организма, я ничего не имѣю противъ идеи объ извѣстномъ соціальномъ *реализмѣ*, относительно котораго еще можно было-бы придти къ какому-нибудь соглашенію). Я не спорю, что, разъ онѣ уже созданы, онѣ вліяютъ на индивидуумы, изрѣдка противъ его воли, чаще-же всего въ силу убѣжденія, внушенія или того особеннаго удовольствія, которое мы испытываемъ, начиная съ самаго ранняго дѣтства, усваивая себѣ тысячу окружающихъ насъ примѣровъ, какъ ребенокъ, всасывая въ себя молоко своей матери. Я отлично вижу это, но какимъ образомъ были сооружены эти чудесные монументы и кѣмъ, если не людьми и не ихъ усиліями? Что касается научнаго зданія, самаго грандіознаго изъ всѣхъ человѣческихъ сооруженій, то здѣсь не можетъ быть никакого сомнѣнія. Оно было построено при полномъ свѣтѣ исторіи, и мы можемъ прослѣдить его развитіе почти отъ самаго начала вплоть до нашего времени. Неоспоримо вѣрно то, что наши науки были сначала только пылинками, группами незначительныхъ, разбѣянныхъ и ничѣмъ несвязанныхъ открытій, которыя сгруппировались затѣмъ, — и эта группировка уже сама по себѣ была открытѣмъ, — въ небольшія теоріи, слившіяся затѣмъ въ болѣе обширныя, провѣренныя и подтвержденныя множествомъ другихъ открытій и наконецъ крѣпко связанныя возведенными надъ ними сводами гипотезъ, высокими изобрѣтеніями объединяющаго ума. Нѣтъ ли одного закона, ни одной научной теоріи, ни одной философской системы, подъ которыми не остались бы еще до сихъ поръ подписанными имена ихъ изобрѣтателей. Въ нихъ все: — и матеріалъ, и планъ, имѣютъ индивидуальное происхожденіе; и все, даже то, что теперь общеизвѣстно всѣмъ маломальски образованнымъ людямъ и преподается въ начальныхъ школахъ, сначала было тайной какого-нибудь одного одинокаго ума, изъ котораго этотъ едва замѣтный, робкій и мерцающій огонекъ началъ съ большимъ трудомъ свѣтитъ въ узкой сферѣ сквозь мракъ противорѣчій до тѣхъ поръ, пока, разгораясь и усиливаясь, онъ не превратился въ пламя ослѣпительнаго свѣта.

Но, если очевидно, что наука была построена такимъ образомъ, то не менѣе вѣроятно, что подобнымъ-же путемъ была возведена и постройка догмата, законодательства, правительства, экономической организациі и т. д., и если можно сомнѣваться относительно языка и морали, происхожденіе которыхъ темно, и медленность измѣненія которыхъ скрываетъ отъ нашихъ глазъ большую часть ихъ движенія, то все-таки мы должны признать весьма возможнымъ, что ихъ эволюція шла тѣмъ-же путемъ. Вѣдь, нашъ языкъ обогащается на нашихъ глазахъ мельчайшими прибавленіями

придуманнѣхъ выраженій, живописныхъ оборотовъ рѣчи, новыхъ словъ или новыхъ значеній ихъ, и всѣ эти нововведенія, хотя въ большинствѣ случаевъ они остаются анонимными, тѣмъ не менѣе обязаны своимъ происхожденіемъ личной инициативѣ, нашедшей одного за другимъ рядъ подражателей, и разные языки занимаютъ другъ у друга эти счастливыя выраженія, чтобы обогатить ими свой словарь и усовершенствовать грамматику. Такимъ-же образомъ, мораль измѣняется медленно и постепенно, благодаря ряду индивидуальныхъ возмущеній противъ ходячей, установившейся морали, и ряду индивидуальныхъ прибавленій къ ея правиламъ. Мы видимъ, что черезъ послѣдовательныя фазы былъ совершенъ переходъ отъ древнѣйшихъ временъ, — когда было безчисленное множество очень бѣдныхъ нарѣчій, которыя были различны въ каждомъ народѣ, въ каждомъ племени и даже въ каждомъ городкѣ, и когда было такъ-же много моралей, несложныхъ и несходныхъ, — къ нашей эпохѣ, когда небольшое число богатѣйшихъ языковъ и весьма сложныхъ моралей готовы оспаривать другъ у друга будущую гегемонію на земномъ шарѣ.

Надо признать противниковъ теоріи индивидуальныхъ причинъ въ исторіи правыми въ томъ отношеніи, что теорію эту исказили разговорами о великихъ людяхъ тамъ, гдѣ слѣдовало-бы говорить о великихъ идеяхъ, часто приходившихъ на мысль даже очень маленькимъ людямъ, и о маленькихъ идеяхъ и безконечно-малыхъ нововведеніяхъ, которыя всѣ мы понемногу внесли въ общее дѣло. Несомнѣнно, что всѣ, или почти всѣ мы принимали участіе въ постройкѣ этихъ гигантскихъ сооружений, которыя теперь царятъ надъ нами и охраняютъ насъ: каждый изъ насъ, какимъ-бы набожнымъ онъ ни былъ, имѣетъ свою собственную религію, и какимъ-бы корректнымъ онъ ни былъ, свой собственный языкъ и свою собственную мораль; самый обыденный ученый имѣетъ свою собственную науку и самый педантичный администраторъ свои собственные административныя приемы. Каждый изъ насъ, имѣя свое маленькое, сознательное или бессознательное, изобрѣтеніе, которое онъ прибавляетъ къ вѣковому наслѣдію социальныхъ вещей, временно находящихся въ немъ, имѣетъ также свое подражательное лучеспусканіе въ своей сферѣ, болѣе или менѣе ограниченной, но достаточной, чтобы продолжить его находку за предѣлы его эфемернаго существованія и сохранить ее для будущихъ работниковъ, которые приложатъ ее къ дѣлу. Подражаніе, обобществляя индивидуально, продолжаетъ со всѣхъ пунктовъ распространеніе полезныхъ идей и, распространяя ихъ, сближаетъ и оплодотворяетъ ихъ.

Быть можетъ, скажутъ, что, такъ какъ предъ безсмертнымъ человѣческимъ умомъ стояла всегда вѣчная природа вещей, человѣческая наука должна была рано или поздно, путемъ какихъ-бы то ни было индивидуальныхъ открытій, придти къ тому мѣсту, въ которомъ мы находимъ ее, и гдѣ ее найдутъ наши правнуки, что ея будущая ясная и славная форма была уже предопредѣлена, начиная съ самыхъ первыхъ воспріятій мозга дикаря, и что такимъ образомъ случайности генія и роль индивидуумовъ не имѣютъ значенія и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе теряютъ его, по мѣрѣ того, какъ приближаются къ той, платонически привлекательной, идеальной дѣйствительности, очертанія которой уже можно предугадать. Но, если-бы это замѣчаніе было вѣрно, его слѣдо-

вало-бы обобщить и тогда оказалось-бы, что, по какому-то сдѣленію послѣдовательно рождающихся одно изъ другого потребностей и ихъ удовлетвореній, непреодолимое влеченіе какой-то невидимо повелѣвающей божественной силой неизбѣжно привело-бы человѣчество къ одному и тому-же политическому и экономическому строю, къ одному и тому-же языку, къ одному и тому-же окончательному законодательству. Факты, какъ нельзя болѣе, противорѣчатъ этому взгляду на вещи, такъ какъ, чѣмъ болѣе развиваются раздѣляющія землю различныя цивилизаціи: христіанская, буддійская и магометанская, тѣмъ болѣе обостряются ихъ несходства и ихъ оригинальность. Во всякомъ случаѣ, этотъ взглядъ еще можно было бы допустить, если бы онъ былъ идеалистическимъ въ достаточной степени. Не одна только идея и не небольшое число идей двигаютъ міръ, но тысячи и тысячи ихъ борются за эту честь. Идеи, двигающія міръ, это идеи его дѣятелей: каждый изъ нихъ велъ войну, чтобы дать восторжествовать своей идеѣ, своей мечтѣ мѣстной, народной или даже международной реорганизации, мечтѣ, которая развивалась по мѣрѣ своего осуществленія, и которая, даже терпя пораженіе, расширяла иногда область своихъ владѣній.

Каждый историческій индивидуумъ носилъ въ себѣ проектъ новаго человѣчества и всѣмъ своимъ индивидуальнымъ существованіемъ, всѣми своими индивидуальными усиліями, стремился къ осуществленію этого всемірнаго измѣненія. Весьма возможно, что изъ всѣхъ этихъ безчисленныхъ идей, этихъ великихъ программъ патріотической и гуманитарной дѣятельности, которыя, какъ знамена, развѣваются, разрывая другъ друга, надъ свалкою людей,—только одна, одна изъ многихъ тысячъ, переживетъ другихъ, но и она была когда-то, въ началѣ, индивидуальной и зажглась однажды въ мозгу или въ сердцѣ одного человѣка. Я согласенъ, что торжество ея было неизбѣжно: но неизбѣжность эта, которая стала очевидной только послѣ случившагося, и которой никто не предвидѣлъ и не могъ предвидѣть съ увѣренностью, есть только выраженіе и результатъ превосходства индивидуальныхъ усилій, послужившихъ для осуществленія этого индивидуальнаго замысла. Причины дѣйствующія и причины конечныя смѣшиваются здѣсь, и ихъ нельзя отдѣлить.

Такъ какъ всякая соціальная постройка получаетъ планъ и матеріалы отъ индивидуальныхъ привнесеній, я не могу допустить, чтобы характеръ насилія и власти надъ индивидуумомъ былъ существеннымъ и неотъемлемымъ атрибутомъ соціальной дѣйствительности. Если-бы это было такъ, эта дѣйствительность никогда не возростала бы и эти монументы никогда не были бы воздвигнуты, такъ какъ при каждомъ ихъ послѣдовательномъ увеличеніи прибавленіемъ какого-нибудь нововведенія, новаго слова, новаго законодательнаго проекта, новой научной теоріи, новаго индустриальнаго приѣма и т. д., новшества эти никогда не вводятся силою, а только кроткимъ внушеніемъ и убѣжденіемъ. Посмотрите, какимъ образомъ растетъ храмъ науки! Всякая теорія тамъ долго разсматривается со всѣхъ сторонъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, прежде чѣмъ распространится въ нихъ въ видѣ болѣе или менѣе вѣроятной гипотезы а затѣмъ перейдетъ въ среднія учебныя заведенія, гдѣ она утверждается уже болѣе рѣшительно; но, въ общемъ, только при переходѣ въ

низшее образованіе она окончателно становится догматомъ и оказываетъ или стремится оказывать на умы своихъ малолѣтнихъ преверженцевъ, которые, какъ нельзя лучше, поддаются этому, извѣстное вліяніе, но отнюдь не деспотическое, какъ это думаютъ нѣкоторые. Это означаетъ, другими словами, что ея настоящее властвованіе установилось въ силу ея прежней убѣдительности и путемъ подражательнаго распространенія. То же самое происходитъ съ распространеніемъ промышленнаго новшества: оно бываетъ сначала только прихотью избранныхъ, прежде чѣмъ стать общей потребностью и составить часть необходимаго, такъ какъ то, что сегодня представляетъ предметъ роскоши, завтра сдѣлается необходимою по той-же причинѣ, по которой то, что сегодня составляетъ предметъ высшаго образованія, завтра станетъ предметомъ средняго образованія или даже низшаго.

Эту огромную тему: социальное приспособленіе, слѣдовало бы развить гораздо болѣе подробно, что я и сдѣлалъ отчасти въ своей книгѣ: «Соціальная Логика»; здѣсь же приходится быть по возможности краткимъ. Затѣмъ, я не буду слишкомъ распространяться относительно того, къ сожалѣнію слишкомъ очевиднаго, факта, что, чѣмъ болѣе социальныя приспособленія становятся многочисленными и точными, тѣмъ болѣе обнаруживаются загадочныя и болѣзненныя социальныя неприспособленности, на которыя такъ часто приходится слышать жалобы. Но теперь мы уже можемъ объяснить себѣ, почему естественныя гармоніи, какъ и естественныя симметріи, такъ рѣдко бываютъ совершенными, почему къ нимъ примѣшиваются всегда и проскальзываютъ изъ нихъ наружу дисгармоніи и диссимметріи, способствующія иногда появленію болѣе высокихъ приспособленій и протипостановленій. Это имѣетъ мѣсто потому, что совершенное и полное приспособленіе и такое же противопоставленіе представляютъ собой два противоположныя конца одного и того же безконечнаго ряда, между которыми расположены безчисленныя ступени. Между абсолютнымъ подтвержденіемъ одного положенія другимъ и абсолютнымъ противорѣчіемъ обоимъ лежитъ безконечное число частичныхъ утвержденій и противорѣчій, не считая безконечнаго числа степеней положительной и отрицательной вѣры. Изобрѣтеніе состоитъ въ отвѣтѣ на вопросъ, въ удовлетвореніи потребности. Но на каждый данный вопросъ можно найти тысячу все болѣе и болѣе точныхъ и полныхъ отвѣтовъ. На вопросъ, вызванный потребностью видѣть, въ природѣ отвѣчаетъ не только одинъ человѣческій глазъ, но и всѣ глаза насѣкомыхъ, птицъ и мотыльковъ. На вопросъ, вызванный потребностью запечатлѣвать на чемъ-нибудь слова рѣчи, отвѣтилъ не одинъ только финикійскій алфавитъ.

Это происходитъ потому, что въ глубинѣ всякаго общества есть множество мелкихъ и крупныхъ отвѣтовъ на вопросы и множество новыхъ вопросовъ, вытекающихъ изъ этихъ самыхъ отвѣтовъ, а также потому, что въ немъ ведется значительное число маленькихъ и большихъ войнъ между сторонниками различныхъ рѣшеній. Борьба есть только столкновеніе гармоній, но это столкновеніе, конечно, не есть единственное отношеніе между гармоніями: наиболѣе обычная ихъ связь есть согласіе высшей гармоніи. Каждую минуту, говоря или работая надъ чѣмъ-нибудь, мы испытываемъ какую-нибудь потребность и удовлетворяемъ ее, и этотъ рядъ удовлетво-

реній и рѣшеній составляетъ рѣчь или работу, а также и виѣшнюю или внутреннюю политику, дипломатію и войну, словомъ, всѣ формы человѣческой дѣятельности. Безпрестанно повторяющіяся усилія индивидуумовъ одной и той же націи, направленные къ тому, чтобы приспособить свой языкъ къ своему настоящему способу мышленія, въ результатѣ мало-помалу видоизмѣняютъ языки и создаютъ новые. Если бы записать, какъ это пробовалъ было сдѣлать, въ одномъ уголку Шаранты, аббатъ Руссело, всѣ такія послѣдовательныя усилія, то можно было бы дать точное число *элементарныхъ лингвистическихъ приспособленій*, интеграломъ или суммою которыхъ является измѣненіе звука или смысла словъ. Чтобы приспособить свои догматы и свои правила къ своимъ познаніямъ и потребностямъ, чтобы приспособить къ нимъ также и свое поведеніе, свои законы и даже саму мораль индивидуума,—главнымъ образомъ тѣ люди, которые чувствуютъ себя наименѣе приспособленными къ своей средѣ, если не къ себѣ самимъ, дѣлаютъ для этого безпрестанныя усилія, которыя приводятъ къ накопленію небольшихъ открытій и изобрѣтеній. И отъ времени до времени появляется какой-нибудь крупный изобрѣтатель и согласователь.

Дисгармоніи стоятъ въ такомъ-же отношеніи къ гармоніямъ, какъ диссиметріи къ симметріямъ и измѣненія къ повтореніямъ. Но это приложимо только къ точнымъ повтореніямъ, къ правильнымъ противоположеніямъ и узко-ограниченнымъ гармоніямъ, заключеннымъ въ наиболѣе характерныхъ образцахъ мірового разнообразія, пестроты и безпорядка, а именно, въ индивидуальныхъ личностяхъ. Физиономія мужчины или женщины, утонченная общественной жизнью, жизнью усиленнаго, сложнаго и безпрестаннаго подражанія, представляетъ собой вещь, очень не крупную и скоро преходящую; но нѣтъ ничего важнѣе этого бѣлаго оттѣнка, и художникъ, которому удалось запечатлѣть его на полотнѣ, поэтъ и романистъ, которые воскресили его, не потеряли даромъ своего времени. Мыслитель не имѣетъ права смѣяться надъ долгими усиліями художника уловить эту вещь, неуловимую само-по-себѣ, и которая постоянно исчезаетъ безвозвратно. Нѣтъ науки индивидуальнаго, но зато пѣтъ искусства не индивидуальнаго; и ученый, зная, что міровая жизнь зависитъ отъ большаго или меньшаго расцвѣта индивидуальности личностей, долженъ былъ бы съ завистливой скромностью смотрѣть на трудъ художника, если бы онъ самъ, неизбежно налагая свой личный отпечатокъ на свой общій взглядъ на вещи, не придавалъ ему извѣстнаго эстетическаго достоинства—истиннаго смысла нашего мышленія.

З а к л ю ч е н і е.

Прежде, чѣмъ закончить нашу работу, повторимъ вкратцѣ тѣ выводы, къ которымъ мы пришли и постараемся сдѣлать между ними нѣкоторое сопоставленіе. Мы видѣли, что всякая наука питается сходствами, контрастами или симметриями и гармоніями, т. е. повтореніями, противоположеніями и приспособленіями, и мы выяснили законы каждаго изъ нихъ и ихъ взаимное отношеніе одного къ другому. Мы видѣли, что, несмотря на свою естественную и на первый взглядъ весьма законную склонность останавливаться на наиболѣе крупныхъ и замѣтныхъ явленіяхъ, чтобы объяснить ими менѣе очевидныя, человѣческій умъ былъ неизбѣжно приведенъ къ тому, что сталъ находить принципъ вещей, къ какому бы разряду онѣ ни относились, въ явленіяхъ, наиболѣе скрытыхъ, источникъ которыхъ, говоря по правдѣ, для него до сихъ поръ остается недоступнымъ. Это обстоятельство должно было бы, повидимому, привести его въ большое изумленіе; но, на самомъ дѣлѣ, этого нѣтъ, такъ какъ частыя наблюденія уже приучили насъ нарушать тотъ порядокъ, о которомъ метала младенческая мысль. Такимъ образомъ, законъ повторенія, — волнообразнаго и притягательнаго повторенія въ физическомъ мірѣ, наследственнаго и привычнаго повторенія въ мірѣ социальномъ, — состоитъ въ тенденціи переходить путемъ прогрессивнаго распространенія отъ относительнаго и безконечно-малаго къ относительному же, но безконечно-великому. Законъ противоположенія точно такой же и состоитъ въ тенденціи къ распространенію въ безпрепятно увеличивающейся сферѣ, исходя изъ одного пункта, который, съ социальной точки зрѣнія, лежитъ въ мозгу индивидуума, въ мозговой клѣточкѣ, гдѣ происходитъ, благодаря интерференціи двухъ, пришедшихъ извнѣ, раздражательныхъ лучей, столкновение двухъ вѣрованій или двухъ желаній. Таковъ элементъ социального противопоставленія, первоначальный источникъ самыхъ кровопролитныхъ войнъ, подобно тому, какъ элементъ социального повторенія лежитъ въ индивидуальномъ явленіи перваго раздражателя, исходномъ пунктѣ огромнаго мирового распространенія.

Наконецъ, подобный предыдущимъ законъ приспособленія состоитъ въ такой же тенденціи, и элементъ социального приспособленія лежитъ въ индивидуальномъ изобрѣтеніи, которому суждено распространиться и найти раздражателей, т. е. въ благопріятной интерференціи, сперва только въ одномъ умѣ, двухъ подражаній, при чемъ эта внутренняя гармонія имѣетъ тен-

денцію не только выйти наружу путемъ распространенія, но еще и сочетаться логически, благодаря подражательному размноженію, съ какимъ, нибудь другимъ изобрѣтеніемъ, и т. д.,—до тѣхъ поръ пока изъ послѣдовательныхъ усложненій и гармонизацій этихъ гармоній не будутъ воздвигнуты великія коллективныя творенія человѣческаго ума: грамматика, богословіе, сводъ законовъ, естественная и искусственная организація труда, эстетика и мораль.

Такимъ образомъ, несомнѣнно, мы видимъ, что все исходитъ отъ безконечно-малаго, и, можемъ мы прибавить, весьма возможно, что все и возвращается къ тому же. Это—альфа и омега. Все, что составляетъ видимый міръ, доступный нашимъ наблюденіямъ, мы знаемъ, все это происходитъ отъ невидимаго и непроницаемаго, которое на первый взглядъ кажется ничѣмъ, и изъ котораго неисчерпаемо исходитъ вся дѣйствительность. Если мы призадумаемся надъ этимъ страннымъ явленіемъ, мы изумимся силѣ предрасудка, одновременно и популярнаго, и научнаго, въ силу котораго почти всѣ,—Спенсеръ такъ же, какъ первый встрѣчный, считаютъ безконечно-малое незначительнымъ, т. е. однороднымъ и безразличнымъ, неимѣющимъ въ себѣ ничего характернаго и ничего духовнаго,—заблужденіе, неискоренимое и тѣмъ болѣе необъяснимое, что намъ, какъ и всему существующему, суждено въ скоромъ времени, со смертью, вернуться къ этому безконечно-малому, изъ котораго мы вышли, къ этому, столь призрачному безконечно-малому. А оно, быть можетъ, и есть то истинное царство божіе, то загробное прибіжище, которое тщетно стараются найти въ безконечныхъ сферахъ. Да какъ бы то ни было, какое основаніе имѣемъ мы полагать, не зная элементарнаго міра, что только видимый міръ, обширный и огромный, служить театромъ мышленія, областью разнообразныхъ и оживленныхъ явленій. Какъ можемъ мы предположить, видя каждую минуту, какъ индивидуальное существо со своею собственной, рѣзко охарактеризованной, фізіономіей выступаетъ изъ глубины оплодотвореннаго яичка, изъ глубины его небольшой части, которая, чѣмъ болѣе къ ней присматриваются, тѣмъ болѣе оказывается эфемерной и ограниченной, доходя до какой-то невообразимой точки? Какъ мы можемъ считать безразличной эту точку — источникъ всякаго разнообразія? Я знаю, мнѣ могутъ возразить, выставивъ на видъ пресловутый законъ неустойчивости однороднаго. Но, вѣдь, онъ невѣренъ, онъ условенъ; онъ придуманъ именно для того, чтобы примирить предвзятый взглядъ па вещи, не ясный и не оригинальный, съ очевидностью разнообразія явленій, бросающихся въ глаза животныхъ, психологическихъ и соціальныхъ разновидностей. Въ дѣйствительности, только разнородное неустойчиво, однородное же по самому своему существу неизмѣнно и неподвижно. Устойчивость вещей находится въ прямомъ отношеніи къ ихъ однородности. Единственная вещь въ природѣ, которая совершенно однородна или, по крайней мѣрѣ, кажется таковою,—геометрическое пространство; оно не измѣнилось нисколько со временъ Эвклида. Быть можетъ, скажутъ, что малѣйшая капля разнороднаго, введенная въ агрегатъ, относительно однородный, неизбѣжно производитъ въ немъ все возрастающую дифференціацію и броженіе, какъ дрожжи въ тѣстѣ? Но, я опровергаю это: въ странѣ, гдѣ процвѣтаетъ набожность, религіозное или политическое

единодушіе, ересь и смута будутъ изгнаны и искоренены гораздо скорѣе, чѣмъ начнутъ разрастаться въ ущербъ церкви или господствующей политикѣ. Это не значить, что я отрицаю законъ дифференціаціи въ его приложеніи къ органическимъ или социальнымъ явленіямъ; но я думаю, что его плохо поняли, если онъ закрываетъ отъ глазъ законъ растущей униформизаціи, который естественно связанъ съ нимъ. На самомъ дѣлѣ, дифференціація, о которой идетъ рѣчь, есть скорѣе всего приспособленіе, о чемъ уже мы говорили, и раздѣленіе труда: напр., въ нашемъ обществѣ есть только прогрессивная ассоціація или взаимоприспособленіе различныхъ работъ путемъ постепенныхъ нововведеній. Будучи первоначально ограничено предѣлами одного *хозяйства*, оно безпрестанно повторяется и расширяется, распространяясь сначала на городъ, гдѣ различныя хозяйства, сходныя нѣкогда другъ съ другомъ, но внутренне дифференцированныя, становятся непохожими одно на другое, но болѣе однородными каждое въ отдѣльности, и затѣмъ дѣлается національнымъ и, наконецъ, международнымъ. Поэтому невѣрно, что различіе растетъ, такъ какъ, если и появляются новыя различія, старыя поминутно исчезаютъ; и, принимая въ расчетъ это соображеніе, мы не имѣемъ никакого основанія думать, что сумма различій въ мірѣ (если только можно брать сумму вещей, не имѣющихъ общей мѣры) возрасла. Въ немъ безпрестанно происходитъ нѣчто, гораздо болѣе важное, чѣмъ простое увеличеніе различія, — дифференціація этого самаго различія. Даже измѣненіе въ немъ измѣняется въ извѣстномъ направленіи, приводящемъ насъ отъ эры рѣзкихъ и сопоставленныхъ различій, подобно ярымъ и несмѣшаннымъ краскамъ, къ эпохѣ различій, гармонически отбѣненныхъ. Что бы ни думали объ этомъ взглядѣ на вещи, во всякомъ случаѣ въ немъ одно остается непонятнымъ и даже непостижимымъ: какъ, если допустить гипотезу объ однородной субстанціи, съ испоконъ вѣку подчиненной всеуравнивающимъ научнымъ законамъ, могъ бы существовать міръ, подобный нашему: блистающій такою огромною роскошью и богатствомъ прихотей и неожиданностей. Изъ совершенно сходнаго и правильнаго развѣ могло бы выйти что-нибудь, кромѣ міра, безконечно и неизмѣримо плоскаго?

Такимъ образомъ, этому общераспространенному взгляду на міръ, какъ на образованный изъ безконечной пыли совершенно сходныхъ элементовъ, изъ которой, неизвѣстно какимъ образомъ, появилось разнообразіе, я позволю себѣ противопоставить свой собственный взглядъ, представляющій его осуществленіемъ множества элементарныхъ стремленій, требовательныхъ и характерныхъ, носящихъ въ себѣ каждое мечту о своемъ собственномъ, отличномъ отъ другихъ, мірѣ. Эти элементарныя проекты уничтожаются въ несравненно большемъ числѣ, чѣмъ развиваются, и великая борьба за существованіе, вытѣсняющая наименѣе приспособленныхъ, ведется гораздо болѣе между соперничающими мечтами, между противоположными программами, чѣмъ между живыми существами. Таинственныя подземелья міра явленій также богаты разнообразіями, но разнообразіями, совершенно иными, чѣмъ его поверхностная реальность.

Правда, въ концѣ концовъ, метафизика эта не имѣетъ большого значенія для предшествовавшаго изложенія; я упомянулъ о ней только между прочимъ, и, если она будетъ даже окончательно опровергнута, это

нисколько не может поколебать высказанныхъ выше болѣе вѣскихъ и положительныхъ соображеній. Она позволяетъ только охватить однимъ взглядомъ два разряда истинъ, на первый взглядъ не имѣющихъ между собою ничего общаго, съ которыми мы встрѣтились на нашемъ пути, т. е. тѣхъ, которыя имѣютъ отношеніе къ правильной прогрессіи повтореній, борьбы и гармоній, къ правильной сторонѣ міра, изъ которой наука черпаетъ себѣ пищу, и тѣхъ, которыя относятся къ вольной сторонѣ міра, служащей восхитительною добычей для безпрестанно обновляющагося искусства,—къ вѣчной необходимости того разнообразнаго, живописнаго и безпорядочнаго, которое существуетъ, повидимому, благодаря дѣйствию всемірной ассимиляціи, симметризаціи и гармонизаціи. Нѣтъ ничего легче, какъ понять эту кажущуюся ненормальность, если предположить, что субъ-феноменальныя, лежащія подъ явленіями, своеобразія вещей стремятся не къ тому, чтобы исчезнуть, а къ тому, чтобы разростись и выйти внаружу. Этимъ объясняется все, и подобно тому какъ взаимныя отношенія повторенія, противоположенія и приспособленія становятся легко понятными, если смотрѣть на прогрессивное повтореніе, какъ на работающее на пользу приспособленія, которое оно распространяетъ и развиваетъ своими интерференціями, а иногда на пользу противоположенія, которое оно также обусловливаетъ другими своими интерференціями,—такимъ-же образомъ можно думать, что всѣ они сотрудничаютъ вмѣстѣ надъ развитіемъ всемірнаго измѣненія въ его наиболѣе возвышенныхъ, наиболѣе широкихъ и глубокихъ, личныхъ и индивидуальныхъ формахъ.

К О Н Е Ц Ъ.

Об авторе

Габриэль ТАРД (1843–1904)

Известный французский социолог и криминалист, один из основоположников социальной психологии и психологического направления в социологии. Занимал должность судьи в провинции, затем был главой отдела криминальной статистики в Министерстве юстиции, профессором в Свободном колледже социальных наук и в Коллеж де Франс.

Г. Тард сравнивал общество с мозгом, клеткой которого является сознание отдельного человека. Он поставил своей целью создать науку — социальную (коллективную) психологию, которая должна изучать взаимодействие индивидуальных сознаний и тем самым выступать в роли фундамента социологии, науки об обществе. С этой точки зрения Тард исследовал проблемы общественного мнения, психологии толпы, механизмы психологического заряжения и внушения. При жизни идеи Тарда не получили широкого одобрения со стороны научного сообщества, но в наши дни он считается одним из родоначальников социальной психологии, внесшим значительный вклад в развитие науки о межличностных отношениях и их механизмах.

Представляем другие книги нашего издательства:

5452 ID 63856

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Тел./факс: 7 (499) 135-42-16
Тел./факс: 7 (499) 135-42-46

E-mail:
URSS@URSS.ru
Каталог изданий
в Интернете:
<http://URSS.ru>

Любые отзывы о настоящем издании, а также обнаруженные опечатки присылайте по адресу URSS@URSS.ru. Ваши замечания и предложения будут учтены и отражены на web-странице этой книги в нашем интернет-магазине <http://URSS.ru>